

Агапэ

18+

АННА ЭЛФОРД

313 дней:

Агапэ

АННА ЭЛФОРД

Первая часть из серии «Агапэ»

Анна Элфорд

313 дней: Агапэ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62715241

SelfPub; 2022

Аннотация

Роман скорее о мести и эгоизме, чем о любви. О том, как прошлое всегда портит настоящее; что, чаще всего, мы живем именно прошлыми воспоминаниях, в которых останемся даже после смерти. О двух людях, сошедшихся на основе общей философии и культурных ценностей. И важны здесь не секс и не нагота, а то, что стоит за этим.

Платон делил любовь на разные виды. «Агапэ» – это то самое «золотое сечение», «романтический идеал», а в нашем варианте – «новая философская модель любви».

Талантливый художник Дилан – двигатель сюжета – и преуспевающая актриса Грейс – душа романа – Орегон; театры; выступления; два человека искусства. Они самостоятельно строят свою судьбу, отличаясь от своего вялого окружения. Грейс проходит через: цикл роста и падения, принятие полигамии, физические увечья от преследующей ее француженки. Она борется с повсеместной завистью и матерью, доводившей дочь в детстве до невроза. И все вышперечисленное меркнет перед людским комом чувств, однажды созданным и нарушим в прошлом.

Содержание

Пролог	4
Виды любви	7
2	11
3	21
4	32
5	42
6	60
Фаза первая	68
Глава 2	73
Глава 3	89
Глава 4	102
Глава 5	108
Глава 7	125
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Анна Элфорд

313 дней: Агапэ

Пролог

1

Спасибо всем, кто во время работы над книгой всячески мне препятствовал и высмеивал; благодаря вам я продолжала из азарта. Выкусите! И, несомненно, моё глубокое почтение самым первым читателям.

Грейс

Сквозь бесконечность, сотканную из дней, после всех нижеописанных событий я растянулась на траве среди белоснежных ласковых цветов. Алеющий закат, переходящий в удивительные фиолетовые оттенки, и то же самое место – место минувшей жизни. Керамические браслеты на моей руке зазвенели, размножая слово в моей голове, по слогам повторяя его. (НЕ-НА-ВИЖУ.) Ненавижу этот городок. Впрочем, этот холм, высившийся над приокеанической равниной, – один из приятнейших мест. С этим холмом непосредственно связано одно из сильнейших воспоминаний моей жизни... тот самый осенний доисторический вечер около года назад, и тот густой лес, эти картонные скалы, которые я и сейчас

вижу...

Долгожданный покой. Я вдыхаю свежий, сладкий вечерний воздух. Каждая травинка по отдельности подчиняется ветру, и они заливаются песней, состоящей из тысяч голосов.

Атмосфера запустения, меланхолии опускается вместе с вечерними сумерками. Потное солнце клонится к горизонту, и вероломная слеза невольно стекает к уху, к волнистым прядям волос по антично-белой коже. Вокруг меня ни рай, ни ад, а воспоминание. И только я начала рассуждать о звучании слов, лишь бы заглушить воспоминания от последнего вечера, как меня накрыла пелена затмения и боль, отдающая в поврежденное горло.

Нет ничего дурного в том, чтобы претерпеть изменения. Но беда в том, что нас изначально растят на неверных убеждениях и ценностях; может быть, даже и сама цивилизация не так и хороша, и проще было бы уйти в горы. Да, полагаю, так оно и есть. К концу мелкие сколы переверорощенных суждений и горестей отточились словами и событиями. Я привыкла так же, как и окружающие, думать, что происходящее с нами можно предвидеть, как розу весной или виноград осенью, но вышло совсем по-другому. Одинаково неожиданны и любовь, и болезнь, и смерть, и всё что радует или огорчает глупцов. Я облокотилась и окинула взглядом мир вокруг. Нет никого. Нет ни единого человека.

Менее чем через год я умру.

Даже в наших снах

Боль, что нельзя забыть,

Капля за каплей падает в сердце.

Пока в нашем отчаянии против нашей воли

Милостью Божьей снизойдет мудрость.

Уильям Блэтти

От автора

Делать мне больше нечего! Нет других достойных тем для раскрытия в литературе, лишь только бы писать о различных видах любви и эмоциональном капитализме нашего времени, о том, как люди бьют и бьют в болевые точки, всё требуя взамен жалости.

Но здесь главное не эротика. Главенствует не тело, не откровенные, такие личные и хриплые, еле слышимые в нынешнем течении жизни слова, для понимания которых необходимо замереть и обособиться от хода времени. И даже не секс здесь важен. Не стоит во всем искать пошлость. Напряжение, боль, бесконечные страдания с редкими просветами счастья. А затем... трагический или радостный конец. Когда как.

Виды любви

Дилан и Грейс – Людус, обратившийся в Агапэ

Кэррол и Майк – Прагма

Кэррол и Тэд – Агапэ

Логан и Алиша – Сторге

Меделин и Джексон – Эрос

Зед и Грейс – Прагма

Другие мужчины и Грейс – Людус

Другие женщины и Дилан – Людус

Примула и Хорист – Людус

Грейс и Али – Агапэ

Остальная дружба – Филия

Людус – гедоническая игра, выстроенная без эмоциональной привязанности. Это замирание сердца, флирт, дрожь от пойманного взгляда, эйфория, игривость. Людус – это всегда отношения без серьёзности, частая смена предмета обожания. Секс – средство выражения сексуальности, занятая игра без глубинных интимных желаний. Даже если влюблённые соблюдают вынужденную дистанцию, то они начинают охладевать друг к другу.

Эрос – эгоистическая страсть, сексуальное притяжение двух личностей, желание полностью обладать им или ей. Это быстролётная искра, почти сразу тонущая в толще людской

жизни. Эрос крайне редко приводит к основательному союзу. Этот тип любви вспыльчив, динамичен, агрессивен, способен привести к глобальному конфликту и импульсивно разбитому сердцу. В греческой мифологии Эрос – это одержимость, которую испытывает каждый, поражённый стрелой Амура. Живая и бурлящая, она толкает, управляет человеком для продолжения рода.

Сторге – прочная и спокойная любовь, похожая на родительскую любовь, любовь матери, брата, бабушки. Она нежна, надёжна, вялотечна, строится на фундаменте общих интересов. Этот тип любви не может перенести даже недолгую разлуку.

Мания – синтез Людуса и Эроса, любовь-одержимость. В основе этого типа любви лежит ревность и страсть. Это иррациональная любовь. Древние греки говорили «безумие от богов»; считали её наказанием. Страдают все – и влюблённый (внутренняя неуверенность, постоянное напряжение, душевная боль, смятение), и также возлюбленный. Если отношения и реальны, то факт согласия с таким ходом жизни больше похож на мазохизм. Мания – полнейшая зависимость, больше оцениваемая как «американские горки»; от возвышенного, чистого духа до стремительного завершения, попыток сбежать, исчезнуть из жизни партнёра.

Агапэ – тот самый сентиментальный, романтический идеал; золотое сечение; бескорыстное смешение Сторге и Эроса. Для Агапэ характерно полное уважение к желаниям

возлюбленного, альтруизм, обожание, привязанность, нежность, страсть. Это явление редко; любовь Агапэ – это связь на духовном уровне; возлюбленные доверяют друг другу и не боятся неверности. Пара развивается, растёт вместе. Но также данное понятие подразумевает под собой любовь между друзьями без сексуального влечения. В Библии об Агапэ говорится: «Долготерпит, милосердствует, не завидует, не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине, все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит».

Прагма – рассудительная, «практическая» смесь Сторге и Людуса; любовь «по расчёту». Партнёры (именно партнёры, а не влюблённые, ибо голова здесь главенствует над сердцем) бескорыстно помогают друг другу, делают добро, помогают в жизненных, к примеру, карьерных, испытаниях. Многие отношения, начинавшиеся с Людуса или Эроса, переросли в Прагму или Сторге. Может быть комбинирована с Людусом. Со временем этот вид любви становится лишь теплее, надёжнее.

Филия – любовь друзей друг к другу; любовь, проверенная временем. Сам Аристотель считал, что человек испытывают Филию по трём причинам: его друг полезен ему, приятен ему, рационален и добродетелен.

Аутофилия – любовь к самому себе; повышенный уровень Аутофилии имеет родственные связи со смертным грехом –

гордыней и высокомерием.

2

Грейс

Пение птиц вырывает меня из сна в это утро пятницы. Яркое августовское солнце озаряет уютную комнату. Перед сном вчерашней ночью мне мерещился под окном силуэт мрачной, роскошно одетой женщины. Призрак её присутствия, была ли женщина там или нет, ощущался на метафизическом уровне и наполнял вечерний воздух тревогой и тоской. Пытаясь отогнать мрачные впечатления, я встаю с всё ещё манящей кровати; за окном никого нет, словно тревожный образ нарисовала моя буйная фантазия. Я бреду на кухню в этом тоскливом месте уединения – в доме, где я давным-давно растворилась в дожде брошенных слов, в лучах минутного солнца счастья и надежды, в мыльной пене океана воспоминаний. Бежевые обои на кухне, что объединена со столовой и гостиной, напоминают о детстве и о времени, когда мой отец ещё не сгнил, не был съеден червями, когда он не был сбит насмерть поездом внутри своего автомобиля. Моим образцом для подражания всегда был отец: в самой его осанке было какое-то достоинство, он всегда был прав в своих внятных суждениях, а на других ему было с высокой горы плевать; он носил строгий костюм и вечно был в чернилах от трудов над комическими стихами. Да, порой он изменял матери, но это не отнимало нашей неумолимой любви к

нему. Отдалившись от воспоминаний, я смотрю на полуденную стрелку бронзовых часов, пока знакомый голос ложится на восточные мотивы обоев.

– Грейс, открывай живо!

Самый близкий человек вернулся на родину.

Моё имя – Грейс Хилл. И когда я встретила подругу, прилетевшую домой, где-то в километре от нас выступил некто подобный Звёздной ночи.

Звёздная Ночь

Когда-нибудь, возможно, он укроется с ней в укромность, и будут они идти и идти. Он всегда её будет вести, а она – к нему лнуть. Но в который раз Ночь сидит в каком-то гниющем кафе, имеющем значение лишь для нескольких человек на всём свете. Это был прибрежный университетский городок, где народ тихий, а все разговоры только о погоде. Люди здесь жили, которые больше смахивают на смиренных овец из Англии. (Однако сами англичане здесь не выделяются) Здешние вообще, стоит заметить, не любят тех, кто выделяется, кто привлекает к себе внимание – достижениями, поведением, биографией.

Лишь сегодня, впервые за долгое время, Ночь ощущает очарование какого-то древнего диснеевского фильма. Она усмехается от мысли, что в своём доисторическом отрочестве и подумать не могла о подобном обороте слов. Честно сказать, её смятенные чувства, как бы Ночь их ни скрывает, могут без её же ведома выйти из-под контроля. С кем-

либо другим есть возможность играть, стать другим: стать блуждающим огоньком; на вечер одревеснеть, превратиться в бесчувственного, безэмоционального пьяницу; пошло расшутиться, выказывая естественное человеческое беспутство, трахая жирных кабанов и загоняя заядлых шлюх и наоборот; стать выпускницей университета и перечитывать «Лолиту». Но не с этой чувственной, горьковатой девушкой в километре от тебя.

Грейс

Алиша – одна из тех немногих, кого я считаю другом (а ведь это такое глубокое понятие!), в то время как отношения с моей матерью я скорее назвала бы тугими тисками родства (сколько тысяч раз я видела это мраморное пугающее лицо матери, всегда чуть-чуть натянутое).

Однако все мысли о вчерашних паранормальных видениях безвозвратно исчезают с объятиями нерешительной, даже слишком приземлённой Али. Ее серебряный крест впечатывается в кожу моей груди; Алиша, как и всегда, одета в слегка мешковатую одежду, а ее русые пряди заколоты. Из-за её смуглой, персиковой, итальянской кожи, кажется, будто мы явились с разных концов света.

– Я скучала по тебе. – Мы замираем на мгновение. – Ну а теперь отцепись, а ни то повисла на мне, даже дышать нечем! – В объятиях мы почти рухнули оземь.

Однако устояв на ногах, мы проходим в гостиную, где Али усаживается на диван и тут же встаёт под солнцепёк, срывая

обертку с жевательной резинки, – радостная и в кои-то веки безмятежная, она оценивающе окидывает взглядом мою фигуру и с лаской в голосе спрашивает о моих планах на день.

– Сегодня планов нет! – отвечаю я и перебираю пальцами красное мулине. – Только вот мне невтерпёж как надо вернуть тебя близким после месяца разлуки! Представь себе, целый месяц ты колесила по Британии со своим приятелем!

– Ты бы видела, атеистишка, какие картины он пишет! – вспыхивает она. – Кажется, Клод Моне, Писсарро и Марио Сирони переродились в нём одном!

Её слова остаются без ответа. Я убираю нитку прочь, а Али беззаботно подходит к окну, глядит на палисадник, после чего с разбегу шмякается на диван. Подушки прогибаются под весом Али.

– Ведь на деле ты уже всех пригласила, верно?

Али глядит иронично и подтягивает ноги, как ребёнок, а я пародирую её жесты; она скользит фиалковыми глазами по светлomu паркету, по кружкам терпкого кофе, по моим пальцам (не таким худым, как у неё), которые снова бездельно намотали мулине вокруг кисти.

– Конечно, я позвала всех наших, ещё когда твой самолёт приземлился! Но эти кретины уже три часа не могут собраться.

Через некоторое время раздаётся дверной звонок, а аромат табака от вальяжно покуривающего Алекса наполняет прихожую за считанные секунды. Такой же смуглый, как и

Али, еврей крупного телосложения по имени Логан; братья-двойняшки Зед и Алекс, последний – с сигаретой между пальцев.

– А вот и наша проповедница! – раздаётся резкий бас низенького Алекса с переливающимся пирсингом в носу; он подобен белокурому Аполлону. (Правда, коротко стриженному)

– А что мне остаётся делать, – то ли улыбается, то ли вздыхает Али, – если пороки окружающих отравляют мне жизнь?!

– Ты совесть человечества. Лечишь нас от грязи и гнили! – повела подбородком я, когда рослый Логан чуть не сбил Али с ног, отталкивая Зеду в сторону.

Его гортанный акцент разливается по всему помещению. После месяца разлуки Али с Логаном вместе почти валяются с ног. Этот учёный и католичка столь разные. В силу своей природы Логан постоянно вступает в конфронтацию со своей возлюбленной (он до чёртиков любит спорить, особенно о вещах, которые близки сердцу его оппонента). Окружающие говорят о Логане, что он всегда одинаковый и хранит обиды десятилетиями, но в чем уж похожи она и он, так в сонливости, а не в свойствах характера.

– Здравствуй, дорогая, – мурлычет Зед мне сквозь смех и ласковые слова двух влюблённых – блондин с безупречно зачёсанными волосами и шестью родинками на шее.

Зед. Милый Зед. Мы вместе два года. Этот роман, на осно-

ве которого написано огромное количество книг и не меньше голливудских фильмов: случайность, свидание, трагедия, вместе на года. Семьи одобряют наш выбор, в городке нас знают как идеальную пару (мы были королём и королевой глупого выпускного бала!). Но так тепло зачастую становится на душе от подобного слияния двух душ.

– Бонжур, – передразнила его я любя. – Чем сегодня занимался?..

Я заправляю прядь за ухо, проводя пальцами по своей шее. В ответ Зед протянул мне оригами в виде каждому знакомого журавлика со словами: «Учился целый день. И всю жизнь буду учиться таким мелочам, подобным оригами». Зед мимолётно целует меня в лоб и скрывается за уже родными ему стенами; журавлик с машущими крыльями прячется в тумбу цвета малахита. Уголёк сигареты тощего Алекса, парня среднего роста, загорается в последний раз, и негустое облачко взвивается к кроне дерева, а ещё дальше машина на ужасной скорости пролетает по дороге (через дюжины вечеров я буду почти что сбита подобным автомобилем на этом же месте). Брат моего возлюбленного входит в дом в черной толстовке с надписью «Directed by ROBERT V. WEIDE». Али отрывается от возлюбленного Логана и с дружеской страстью приветствует Алекса. С давних школьных времён он хочет себе татуировку на ключице с надписью «Саморазрушение – путь к свободе».

– В наше время народ пошёл безбожный, нет в нем бла-

годати.

Алиша принялась со страстью превращать Алекса в христианского, помазанного мужчину. Ее бескомпромиссная открытость влекла людей к Алише. Она подошла ко мне, взяла за руку и с надеждой спросила:

– Ты обещаешь мне, атеистишка, что завтра мы поедим в Портленд на художественную выставку?

– Конечно обещаю. Но сейчас я могу думать лишь о закуской Нэт, – подала я идею, а Зед вошел обратно в прихожую и встал возле

– Это предложение? – усмехается Алекс и чешет седой висок с мелированными коротко подстриженными волосами.

Как обычно, не понимая всей прелести момента, мы вышагиваем по берегу, будто срисованному с картины Моне «La Pointe de la Neve, Saint-Adresse» ; летнее солнце озаряет городок, чьи лучи так неравномерно покрывают планету, награждая человечество светом и счастьем, а других заставляя прозябать во тьме. Волны бороздят нежный берег, крик чаек слышится в далёком небе. Дует лёгкий ветер, развевая ветви прибрежных растений подле песка. Переступив порог кофейни, все мои друзья и я ощущаем своими эфирными телами каждый сантиметр солнечных лучей. В воздухе витает еле заметная пыль. Оглядываюсь: за эти годы здесь ничего не изменилось. Бело-чёрная плитка выложена в шахматном порядке, напротив входной двери стройный рядом располагаются у стойки барные стулья, на которых уже сидят завсе-

гдатаи. Вблизи окон парами стоят бордовые двойные диваны, разделённые обеденными столами. Почти в самом углу расположен любимый с давних времён музыкальный автомат. Недавно он заел и теперь способен крутить лишь одну песню, которая разносится по воздуху оловянными кругами.

– Здравствуй, Нэт! – приветствую я давнюю знакомую семью, лучшую подругу моего отца, такую же часть этого захо-лустья.

В Нэт всегда было что-то родственное поздней весне, лёгким перистым облаками и тёплым туманом. Что-то отдающее детскими воспоминаниями. Она оформляет наш заказ за счет заведения, и в полупустом кафе мы подсаживаемся к белокурому румяному молодому человеку с блестящими серыми глазами, смуглой кожей и приметной родинкой над левым уголком губы. Его имя – Хорист. Пытаюсь прочесть «J'ai perdu tout, alors, je suis noyé, inondé de l'amour; je ne sais pas si je vis, si je mange, si je respire...» с правильным французским акцентом на длинноватой неоновой бежевой вывеске и лёгким движением поправляю красное платье. Меланхолические черты лица Хориста, за которыми скрывается нечто такое бесхитрое и простое, резко блекнут, когда Алекс наигранно неуклюже плюхается на сидение, двигая в сторону более стеснительный субъект. Вот сейчас Алекс прицепится к любопытному экземпляру, покрутит характер Хориста, проверит неизведанное на прочность, резко выскажет несправедливо обидное субъективное, сделав ряд выводов,

как бабочку приколет булавками за иссушенное брюшко к картону и оставит, находя новые увлечения поблизости.

Разговор становится всё оживлённее, я окидываю взглядом пространство. Зед и Али пляшут под кантри, Логан где-то скрылся, Хорист закинул руку на спинку дивана и наблюдает за дальнобойщиком, чья длинная, туго обтянутая кожей голова сидит на мускулистой и жилистой, точно сельдерей, шее. Дальнобойщик ругает танцы наших друзей, и вот я ловлю выразительные карие глаза одного из многочисленных незнакомцев; тело, обременённое душой, отталкивает стеклянную дверь, и в этот же момент поправляет изящными тонкими пальцами тёмные пряди, пытаюсь подчинить их своей воле. В поле моего зрения также попадают татуировки в виде черных полос вокруг да ниже локтя его правой руки. Красиво, так необычно. Но он уходит, а я переключаю внимание на престарелого мужчину за стойкой и его большие, выпуклые, с воспалёнными красными веками глаза. Лицо смуглое, лоснящееся, без малейших признаков растительности, полные губы. Смеюсь над шутками Алекса и над своими недалёкими простыми мыслями, а Нэт, несущая наш долгожданный завтрак, всплывает около моего плеча. Только сейчас понимаю, как жутко голодна. В памяти всё ещё держат воспоминания о вечернем океане, я утром следующего дня собираюсь на выставку. Как быстро ночь минула! Как я привязана к морской глади! Шторы не пропускают прямых лучей солнца. Закончив собирать сумку, я выключаю свет на

втором этаже дома и спускаюсь к выходу. Остается час до нашего отъезда; самая пора поторопиться найти себе занятие. Дует ветер – не знаю уж теперь, из какой части света, с севера, наверное, – и шатаются голые деревья за окнами. Будь я романтичной натурой, а бы встала напротив стекла или даже бы вышла на улицу, чтобы созерцать красоту момента, но я скорее внимательна и любопытна. Уверенно обтягивающее тело платье с голубыми цветами и кружевами прекрасно сочетается с золотыми серьгами и браслетом. В режиме ожидания я решаю выпить кофе.

Грейс

Истории всегда случаются в самый заурядный день, когда их и не ждёшь. Али и Логан едут в отдельной машине точно за нами; оглядываюсь и нахожу их глазами среди зелени сосен и придорожных кустарников, что растут по краям автострады. Детская наивная серая тоска накрывает волной в этом движущемся судне где-то посреди глуши; красоты тихоокеанского бриза и побережья, как на рождественской открытке, уже давно скрылись

– Обычно ты всегда радуешься выставкам искусников-художников!

Я не ответила Алексу, и он ребячески коснулся моего лица пальцами, заявляя, что украл нос, и я сделала вид, будто обомлела. Как в детстве с отцом, я озорно засвистела, ахнула. Мы с другом разыгрались, но Зед пресек наше обыденное хулиганство.

– Ну, всё, господа, мы на войне, – в своей энергичной раздражённой манере сказал Зед.

– И зачем вы это делаете?

– Разве мы занимаемся чем-то криминальным?

– Нет, но просто ты, дорогая, сама по себе излучаешь сплошной негатив. А зачем тебе вообще этот шарф, Грейс? На улице двадцать градусов!

– Надо же. Ему ничего не нравится! – Алекс сразу шел и что-то делал, пока мы с Зедом тратили время на пустые пререкания, не зная уж, всегда ли мы говорим с сарказмом. Просто порой слишком много подразумевается; а истину затем сложно найти. – Кто-нибудь, бросьте моего брата снова в океан, – припомнил Алекс свою выходку годичной давности.

– А сейчас мы все замолчим и перестанем дурачиться, – отрезала я, и парни послушали меня. – Зед поведет машину так, чтобы мы не разбились от его скачущего уровня желчи. А Алекс станет моей подушкой. «Но Зед хороший, обаятельный», – думала я.

Он разбирается в биологии, уж в этом-то знает толк! В его сухости, практичности нет ничего плохого. Зед смотрел на чистое небо. Играла тихая музыка.

– Мое плечо всегда готово, Грейси. – улыбается Алекс, и солнечный свет падает на его коротко стриженные белые волосы.

Никто: ни Зед, ни Алекс, ни Кэррол (моя мать) – не понимает значение «Грейси». Так нежно меня называл мой отец Тэд лет десять назад, словно в другой жизни. А Алекс без малейшей капли сочувствия протягивает руку к приоткрытому окну, сдавливая пальцами твёрдое, похожее на череп насекомое и выкидывает его на ветер. С тем же беззвучным смешком стучит пальцами. Сон окутывает разум, и я закрываю глаза и трюсь виском о ткань рыжей толстовки друга. Алекс нагибается, развязывает шнурки и сбрасывает пра-

вый, а вслед за ним и левый башмак. Размяв ноги, он предлагает лечь, и я соглашаюсь. В таких тёплых, неудобных объятиях лучшего друга я мысленно говорю Зеду: «Не ревнуй, блондинчик». От Алекса чувствуется перегар. Его задранная кверху ступня мирно отбивает такт. Алекс начинает петь жидким тенорком.

Мы заезжаем в дом Кэррол и Майка (моя мать и отчим соответственно) и остаёмся на несколько часов в их доме американской мечты. Крашенные рыжие волосы Кэррол, ее зелёные глаза, подчёркнутые тонкой линией чёрного карандаша, и губы, покрытые слоем насыщенной красной матовой помадой, – обычный образ. Она была замешана в какой-то известной интриге восьмидесятых годов, ныне забытой. Кэррол испорчена пороками, от нее отшатываются все встречные мужчины, кроме наивного Майка.

Но вот мы с Зедом за руку выбегаем на улицу, где душно, сухо, знойно даже в сумерках. Смеясь над нами, из дома выскальзывает Логан. В светских нарядах мы вновь отправляемся в путь на такси; водитель давит на газ; солнце клонится к горизонту; постепенно темнеет. Глаза Алекса, выкаченные, похожие на странные камни, усталились в одну точку за высотные здания, что наполнены искусственными огнями. У выставочного зала элегантные дамы и господа медлительно заходят внутрь, а Али выскакивает из машины первой, с радостью загоняя нас в здание; бант в ее волосах так иронично подмечает ее детскую веселость, которая, впрочем, присуща

и мне, и каждому из компании моих друзей.

Первый и второй этаж объединены и окрашены приглушённым светом. В коридоры с картинами выходят множество дверей, а сами полотна подвешены к потолкам – тщательно выписанные потемневшие импрессионистские пейзажи или (таковых ещё больше) серии портретов шести девушек из разных эпох, мирные, уютные сценки.

Мои друзья разбредаются кто куда; через несколько дюжин мимолётных словесных перепалок меня более не завлакивает лица чужаков, и полубоги превращаются в простых людей. Нет необходимости прибегать к актёрской игре – моей работе; перемещаясь вдоль запутанных лабиринтов стен то с джентльменом, то с дамой, встречая скучающего Алекса или задумчивого Зеда, я не заметила, как осталась одна, и замечталась, глядя на полотна в главном помещении. Картины так разнородны; в живописи отражается характер артиста – что-то немного резкое, чувственное, но утончённое и цепляющее за душу. На одном из полотен изображена на редкость дружная весна с зеленеющей поляной и девушкой (женщина приобретает особое очарование, когда становится неотъемлемой частью природы); она в кружевах благочинно дремлет, надёжно укрыв свои сокровища тканью покрывала, и будет, как я полагаю, дремать вечно. И сияет роса крупными чистыми бриллиантами, но всё же что-то, да и ускользает от глаз, как бы предупреждая: «Это не рай, чтобы всё было идеально, дорогуша». Я аккуратно пробираюсь сквозь толпу

к другому болезненно выразительному полотну, где преобладают цвета, какие можно представить при безумном смехе: один из солдат, сжимающий оружие, лежит согнувшись поодаль в неглубокой луже, пытаясь ползти, но вовсе не в сторону блиндажа. Тут мои мысли прерывает артист-брюнет, старше меня, в белоснежной рубашке и темном костюме в клетку; на вид ему около двадцати одного, но не по годам матерый и звонкий. Он меня подхватывает под руку (так же, как и все дамы и господа до этого; но – ах! – они не вели таких приятных разговоров, как этот молодой человек).

– В глазах солдата читаются последние мысли, последние воспоминания перед очевидной гибелью, – говорит с британским акцентом.

– И солдат вспоминает радостные моменты жизни, ведь счастье мы всегда только вспоминаем. – Медово-карие глаза наблюдают за мной и однозначно довольны ответом. – Это обыденно лучезарные вспышки. Однажды Гёте спросили, был ли он счастлив за свою жизнь, и он ответил: «Да, две минуты». Эта картина об этом.

– А ты отлично чувствуешь искусство! – восхитился он по-дружески открыто и повел меня в сторону остальных картин в ряду. Мягкие правильные черты лица незнакомца, квадратный, немного острый подбородок и губы, чуть-чуть приоткрытые, словно готовые для поцелуя, не были экзотичными; я бы даже с легкостью забыла этого юношу.

– Искусство только и можно, что прочувствовать, – про-

должила я. – И если ты работаешь театральной актрисой, то это просто необходимо уметь делать.

– А твоя игра востребована? Я мог бы получить билет на один из спектаклей с твоим участием.

Мы рассмеялись и, поддерживая разговор, я даже ребячески предложила ему билеты в партер. (Надо же, а мы и не знали друг друга; это и не нужно, и неважно. Знаю лишь, что мы оба не от мира сего) Все светские разговоры затихают в миг, словно сам Бог призвал к очищению здешних обитателей, ведь на импровизированную сцену на балконе вышел ведущий, но мы за обсуждением продолжаем двигаться от одной картины к другой.

– Дорогие дамы и господа! Вы слышали меня сегодняшним вечером уже неоднократно! Но сейчас я хотел бы отступить в тень и...

Пухлый мужчина с дёргающимися подбородками и, кажется, придушившим его галстуком, натянутыми пуговицами рубашки и костюма, такой, что хочется сжать, как игрушку от стресса, скачет перед публикой. Почти вся толпа, насчитывающая четыре дюжины голов за исключением двух, задрала носы и слушает на каждом из двух этажей ведущего. Однако мы с незнакомцем, всё ещё глядя на работу художника, выкидываем чужие голоса из головы и идет дальше, нечаянно сталкиваясь с другой парочкой на углу. И находим мы себя возле картины, описывающей сюжет войны.

– Она одна из моих любимых. Душераздирающая, такая

интимная и чувственная. – А он был выше меня. – Боль ужасает и одновременно притягивает людей. И так было всегда.

– А как же красоты Ниццы с той аристократичной француженкой? – интересуюсь я. – Её хитрый взгляд вечно прикован к нам. Я даже и сейчас словно чувствую её глаза.

– Да, я тоже. – Он быстро оглядывается. – У меня к Франции скверное отношение. Серии портретов остальных девушек гораздо ближе сердцу. Они хотя бы не отдают настроениями публичных домов.

Его слова заглушаются чужим, громким голосом ведущего, который всё же перебивает любителя искусства.

– Но сегодняшнего вечера не было бы без нашего художника! – чуть ли не выкрикнул ведущий с большим энтузиазмом.

– Надеюсь, мы ещё увидимся. – Брюнет, любитель искусства, целует мою руку и, обходя меня, дружески проводит пальцами по плечу, отдаляясь. – Ещё увидимся.

Он скрывается в толпе, и я оборачиваюсь к сцене, поправляя голубое платье и проверяя, на месте ли серьги.

– Не было бы сегодняшнего вечера без Дилана Барнетта! Где же он?

– Я прямо перед твоими глазами, милый друг, – отвечает незнакомец, с которым я только что распрощалась, и поднимается по ступеням лестницы.

Люди отшатываются, и все взгляды теперь прикованы к нему. Предавшись мыслям оригинальным и глубоким, он

сливается с окружающими в единое гармоническое целое. В свою очередь толпа приняла его, они его начали обожать. А я, в свою очередь, словила ухмылки некоторых отвлечённых зевак возле себя: «Вот она; столкнулась с художником и теперь смотрит на него же»; «Довольна собой? Обратила внимание!»; «Возможно, она его подруга, знакомая», – запросто читается в расширенных, обкуренных вечером зрачках. (Забавно, ведь так?)

– И я бы хотел сказать отдельные слова благодарности одному человеку здесь. Алиша! – Имя близкой сердцу так остро врежется вслух, и я каменею. – Отсюда свет так слепит, ни черта не вижу. – В толпе проходит лёгкий смешок. – Поднимайся ко мне, Алиша!

Толпа оживает. Все оглядываются, ищут, кто же это такая. Движение откуда-то сзади, и вот Алиша выскакивает на лестницу. Доносятся аплодисменты.

– Даже и недели не прошло с момента, как я сел на самолёт в Шотландии и оказался в Орегоне. – Али поднялась и подошла к брюнету. – И Али мне помогла с таким трудным решением. Она великодушно полетела на другой конец света и даже ещё до нашей личной встречи помогла мне с организацией первой выставки в Северной Америке.

Али покраснела, Али замялась. Она посмотрела на меня и одновременно поправила кофейного цвета бант в волосах.

– Ты точно преувеличиваешь моё значение в этой истории, Дилан. – Улыбается она.

– Ты не веришь в мою искренность? – В его голосе звучали иронические нотки.

– Не верю.

– Мне пролить слезу перед тобой и перед всеми, чтобы ты поверила?

– Дилан, ты же знаешь, я твоим слезам не поверю, – играет она.

– Алиша действительно не поверит моим слезам, – подтверждает Дилан. – Спасибо тебе, Али, что пришла сегодня.

Дилан продолжает речь, а ко мне подходят Зед, Алекс и Логан, вытесняя из поля ближайшего вида слова художника.

– Какого черта здесь происходит? – спрашиваю я недопонимая и выдвигая предположения в голове.

– По-моему, всё очевидно, – вздыхает Логан. – Она позвала нас на выставку своего любовника.

– Нет! – вскрикиваю я и, вечно скучающий на выставках Алекс, отшатывается в сторону. – Конечно, нет!

– С чего ты взяла? – Логан разворачивает меня за плечи к себе. – Она почти что месяц, без преувеличений, была с ним в Англии. Мало ли что он мог ей наговорить. Соблазнить!

– Но это никак не меняет сути, вундеркинд! Алиша никогда не пойдёт против своего Бога, и ты это великолепно знаешь! – отрезала я настолько строго, чтобы Логан осознал, насколько бредовы его слова. – Отбрось ревность, которую Али бы назвала её человеческим пороком. Она не променяет свой воображаемый рай на земные удовольствия, и будь

так добр, никогда не смей подобного заявлять больше!

Зед встречается в наш разговор, пародируя голосом ученых, а я разворачиваюсь спиной к лестнице:

– Мы всегда невольно обращаемся к богу, ведь это ощущение так чисто по своей природе, так сладко, что и не хочется возвращаться в реальность. Если считать веру в Бога наркотиком, то Али обречена на всю жизнь. Хорошо, что нас не трогает религиозность Али.

– Ну почти, – засомневался еврей Логан.

– Верно, Зед. – Я замолкаю. – Итак, это действительно Дилан? – произношу я, хотя сама уже поняла правду. – Между прочим, Зед, выходит он твой будущий однокурсник.

– Действительно он? – повторяет мои слова уже знакомый голос бывшего незнакомца, нынешнего носителя имени Дилан и фамилии Барнетт да в целом просто отважного пирата.

Дьявол! В карих глазах незнакомца читается добрый смех. Мгновение он молча смотрит на меня. Не успеваю я разглядеть какую-то невиданную мной ранее эмоцию в его глазах, ставших тёмными и бурными из прежде спокойных, ожидающих. Его глаза изучают всех и меня, чтобы в дальнейшем писать наши портреты. Внезапно Али подбегает к нам со стороны, рассеивая и оживляя пространство.

– Дилан! – вскрикивает Али, и складки её юбки скачут вверх-вниз, прикрывая и оголяя обувь.

– Что ж, я надеюсь, что оправдал ваши ожидания. Мы с

вами сойдемся.

Звёздная Ночь

И гордая внешностью девушка ушла от своей смерти, словно мольберт убежал от художника. Она ушла к очередной из картин с сюжетом нежной дивы и поцеловала другого. Она была юная, но статная; весёлая, но сдержанная; темно-волосая и обворожительная. А мощный, неподдельный, сексуальный аромат жасмина разлился в просторе меж картин; это были её пронзительные духи, по которым её и узнают. Она казалась олицетворением артистического темперамента, обречённая на судьбу героини трагического романа. Она входила в дом, и от одного ее «Здравствуйте!» все вздрагивали. Почему она влечёт? Она не стесняется; многие назовут Грейс бессовестной; она глубокая, любопытная, целеустремлённая, работающая, но податливая, энергичная. Именно эта неутомимость и нужна мужчинам.

Грейс

– Каждый вечер я прихожу на это место и жду, пока небо станет похожим на моё настроение, – дурачусь я.

Мы с Зедом стоим у маяка. Закат блекнет, и сам воздух кажется фиолетовым. Деревья болтают, цвет еловых иголок преломляется туманом. Ртутные отблески солнца – в белую дружную ночь; всё под голубой шалью. Отличный вид на весь мелкий городишко, на другой его стороне разражается салют, и блондин спрашивает с наигранной серьёзностью:

– И когда ты обычно уходишь?

– Глубокой ночью, – выдыхаю я.

Через секундное затишье мы оба начинаем смеяться.

– Это очень попсово, Грейс, – стонет Зед сквозь слёзы.

– Да, я и сама знаю.

Провожу пальцами по губам и оглядываюсь на его голубую рубашку в клетку, на машину. Зед понимает мой намёк даже сквозь смех и в миг успокаивается. Более не тратим времени и сил ни на что лишнее; садимся в автомобиль, движемся дальше по плану. Заехав за Али и Логаном, мы берём курс на дом Алекса и Зеда, на ночь, которую проведём там вместе. Зед расслабленно ведёт автомобиль и обращается с очередной шуткой то ко мне, то к Али. Правой рукой он зацепился за руль, а левую положил на приспущенное окно.

Католичка с евреем Логаном на заднем сидении держатся за руки.

– Именно так! – неожиданно вскрикивает опьяневший Логан в ответ на свою же реплику. Немного выпив, Логан стал открыт людям под стать Али. – Я понял, в чем правда!

– И в чем же?

– Люди эгоисты! Пау пау! И правильно некоторые делают, что высмеивают отношения. Алиша, дорогая, это не о нас! Но привязанность как таковая должна быть осмеяна кем-нибудь хорошенько, пускай она и неизбежна.

– Логан, я совсем не согласна. Привязанности важны. А из-за твоих слов здесь стало слишком душно, – поморщилась я.

Я включаю музыку громче, открываю окно и наполовину высовываюсь из него, вытягиваюсь, распрямляюсь, грудиной ощущаю небывалое умиротворение, счастье перед надвигающимся хаосом грядущей ночи. А волны всё бороздят и бороздят берег, рисуя пену. Слышу смех Али и подшучивание Зеда, направленные в мой адрес.

– Не выпади из машины, атеистишка! – кричит Логан.

– Волнуешься за меня?

– Конечно. Во снах мы все видим, как ходим в театр на спектакли с твоим участием, – подхватывает Али.

Машина подъезжает к перекрёстку, и мы останавливаемся. Зед выключает музыку.

– Давай обратно! – отрезает блондин, затягивая меня об-

ратно в салон.

– Ничего не случится, Зед. Я осторожна.

– Грейс, быстро сядь! Иначе пристегну ремнём, как ребёнка.

Приходится забраться обратно в душную духоту душнил.

– Как быстро у тебя меняется настроение. От игривого к накаленному до предела!

Машина заезжает на небольшой полуостров. Слева всё также виднеется океан, а по правую сторону – лес. Нет больше за стеклом ни домов, ни людей. Одинокое здание представляет собой старомодную кирпичную постройку с голландским двориком, в котором уже разгуливают охмелевшие гуляки. Зед глушит двигатель, а Логан вновь выдаёт:

– Итак, я доставил главных королев вечеринки в самый её разгар, когда почти все уже выпили, но ещё не пьяны. Предлагаю пройти в дом.

Мы заходим в помещение. Гостиная – это по-настоящему огромная комната в два этажа, стены которой высоки, а далёкий потолок стеклянно глядит на тех, кто под ним.

– Подруга! – я слышу знакомый голос среди десятков других.

Алекс обнимает двух девушек за плечи, прижимая их к себе, и машет нам рукой. Моему другу всегда были ближе шумные сборища кретинов, чем выставки. Но я всё же следую за Зедом по битком набитой гостиной и в середине пути получаю красный стан.

– Девочки, вы м-можете идти, но недалеко! Мы ещё увидимся сегодня, – говорим Алекс заплетающимся голосом.

Вульгарные особы уходят прочь, и я думаю: подобное пошлое поведение принижает общественный статус женщин. Пара парней подсаживается к пьяному Алексу.

Звёздная Ночь

Ночь сидит одиноко. Она думает о словах Оскара Уайльда: «За прекрасным всегда скрыта какая-нибудь да трагедия». Да, так оно и есть. Ночь всегда многое угадывала, и особенно что-то такое, что её будоражило и заботило. Сейчас всё со стороны кажется превосходным, таким обычным. Но только одна она понимает значение происходящего, только Ночи та женщина поведала тайну, рассказала о ночном бытии, которое Ночь пыталась разгадать так долго и которое в итоге раскрылось так негаданно. Женщина знает конец истории, она его предвещает. Начало же было положено в той забегаловке: он выходил, а она наблюдала за его движениями.

Грейс

Постепенно от всеобщего хаоса голова начинает невольно кружиться. Я ставлю стакан на рядом стоящий столик и, оглядываясь, встаю на ноги. Но в ту же секунду я чувствую, как Зед хватает меня за руку и тянет к себе, от чего я падаю обратно в кресло.

– Ну и куда это ты вскочила, Грейси?

Всё же вырвавшись из лап Зеда, я что-то бурчу под нос

так, что уголок его рта подрагивает в усмешке и, не сказав больше ни слова, бреду на улицу, подальше от его деспотичных наклонностей. Зед мог бы просто спросить меня, куда же я собираюсь, а не хватать за руку, кидать на диван и пристально на меня глядеть. Это ведь любовь Зеда к чрезмерному контролю в сочетании с алкоголем, верно? Всё эта привязанность! Мои ботинки невольно выбивают ритм танцевальной музыки; «Неважно», – твердят они, потому что для нас с Зедом в самом деле остаётся ещё бездна времени. Я вдыхаю прохладный ночной воздух. Заколдованно-тёмная ночь, бесконечно безмолвная, с нескончаемо длинными тенями деревьев обволакивает город, а медовая луна прячется за облаками. Наслаждаясь природой, я неспешно прогуливаюсь до океанической воды. Ну, можно ли возможно высидеть в такой духоте, ведь на улице везде приятная свежесть и аромат цветочного магазина всюду соблазняет?! Замечаю силуэт человека, сидящего на песке и глядящего в даль вод, за океан на Японию. Я снимаю обувь на песке, присоединяясь к молчаливой компании незнакомца на недолгое время, а когда уже собираюсь уходить, врезаюсь во что-то. А точнее, в кого-то. Поднимаю взгляд, и первое, что замечаю, это знакомые карие глаза. Дьявол, как предсказуемо!

– Грейс Хилл, – пытливый, добрый голос Дилана бьёт в голову так же, как и резкий ароматпряного виски, оглушая и сбивая с толку.

– Да, она самая, Дилан Барнетт.

В его руках виднеется бутылка. Но как непостижимо у Дилана изменился голос! Как у неизвестной мне ранее птицы, которая «ноябрьским утром поёт ни о том». Будто Дилан пробовал, искал и в конце концов нашёл струну для нового настроения. Он смотрит так уверенно, но своим тонким чутьём я замечаю радость, трепет и чувства X, бурлящие внутри него.

– Что ты тут делаешь? – любопыствую я.

– Как видишь, пью.

Дилан еле заметно трясёт бутылку и подносит её к губам; какой односложный ответ в сравнении с прошлыми. Лёгкая хриплость прошла; вернулось прошлое звучание его голоса. Я наблюдаю за тем, как он делает пару глотков, и думаю: с Али они очень сильно различаются. Он пьёт, а Али нет. Вот, бутылка полупуста. Видимо, давно он сидит около океана один. Лишь вдохновленный блеск мечется в его глазах, лишь лунные тени холодно ложатся на его лицо. Обилие общих тем лежит пропастью перед нами, и в итоге я получаю лишь:

– Неужто ты такая же святоша, как и Али, что от виски откажешься? – спросил он, отхлёбывая ещё. – В этом вы уж точно с ней не похожи.

Я взглянула на бутылку и приложила губами к горлышку, сделала три больших глотка.

– Хороший виски, – сказала я.

– Ещё бы, – посмеялся Дилан. – Чистый, свежий, отвра-

тительно здоровый вкус. Очень отчётливый. Чувствуешь?

– Чувствую, – поморщилась я.

– Всё. Я думаю, для такой нежной особы с сегодняшнего вечера хватит крепких напитков, – пробурчал он.

– Я не наивная принцесса, Дилан, – сказала я и сделала ещё один глоток, прежде чем отдать бутылку.

– Ну, хорошо, – усмехается он. – Королева лучше.

Ощущаю, как рюмянец разливается на щеках и шее; ощущаю, как алкоголь поджигает плоть изнутри. Настойка действует безотказно, и я делаю вывод, что Дилан мне приятен.

– Нам надо обязательно встретиться, – неожиданно предлагает Дилан. – Алиша много рассказывала о тебе.

Разве я прямо сейчас не являюсь свидетелем желания молодого человека стать ближе? Разве я не вижу рентгеновский снимок (вот ключицы, вот фаланги пальцев) тёмной и отчётливо видимой структуры сквозь волны плоти, что увязли в туманах условностей его острого желания вклиниться в ход жизни?

– Давай сперва пойдём вместе на вечеринку Алекса? – выдыхаю я с улыбкой в попытке избавиться от разного рода мыслей. – Ты пьян, как и все в этом доме. Выделяться мы не будем. И, так или иначе, Али познакомит тебя ближе со всеми остальными.

Дилан запускает пальцы в волосы, поправляя их и пытаюсь подчинить своей воле. Такие мягкие и непослушные.

– Пьяны в этом доме все, кроме Али, – отшучивается он

в ответ; с противоположным полом мне всегда было проще находить общий язык, чем с женщинами. – Но признаю, это восхитительное предложение.

Направляюсь к двери дома по мягкому холодному песку и вынырываю из линияющей ночи, которая уже лишает объёмности листья и словно взамен одевает гвоздики и розы недалеко от нас в слабое сияние, очарование, какого в них не было днём. Мы заходим в дом и останавливаемся. Всё же что-то неизведанное было в Дилане, тянущее под языком, как дежавю. В нем присутствует такое необычное сочетание чего-то старомодного и метафизического, альтруистического.

– Пойдём сразу к Али, – перекрикивает он громкую музыку. – Я презираю обывателей, – добавил он так же громко, но всем вокруг было плевать; только я услышала его мысль.

– Почему? – наивно спрашиваю я, хотя отлично понимаю его мысль, ведь сама чувствую это на протяжении жизни.

– В их головах только лишь языческие ценности, – откровенно объяснился он. – Они забавляются на вечеринках, подобных этой, и ни к чему, по сути, не стремятся. Они даже не хотят меняться из-за гордости, которую называют культурой.

– То есть тебе по душе Ницше, источник катаклизмов XX века, – начала издеваться я, когда недалеко от нас донёсся аморальный треск, ведь кто-то уронил горшок с несчастным цветком.

– Я хотел бы очистить человечество от языческих ценностей.

– Будто бы тебе так хорошо знакомы высокие ценности.

– Нет. Их невозможно постигнуть до конца. И я не осознаю до конца. И меня тоже тяжело понять до конца. Я знаю лишь это, – Дилан не кричал более, а говорил спокойно, но я все равно его слышала даже лучше, чем если бы он кричал. – А ещё я знаю, что Алиша и Логан – такие же, как и мы с тобой. – Его карий взгляд был удивительно прозрачен. – И что они будут рады увидеть нас сейчас.

Я поняла его намёк, но замерла; оглянувшись, прикидывая, кто же это он такой – Дилан Барнетт; прикусила щеку и кивнула в ответ. Пришлось даже взять его руку и, переплетая наши пальцы, плавно поскользнуть вместе с ним сквозь группки в сторону гостиной. Дилан сжал мою ладонь; его кожа была тепла, пусть и неизвестно, сколько Дилан сидел на берегу до того, как я пришла.

– Возможно, они просты, но мы обесцениваем их страдания, – сказала я, пробегая мимо книжного шкафа.

– Да, быть дураками так сложно, – уперся Дилан.

При встрече Алиша спросила его:

– Ну а ты тут каким образом очутился?

– Мы нечаянно встретились на берегу, – объясняю я нашей просветлённой. – Дилан устроил себе романтическое свидание с бутылкой виски.

– Это уж точно, – засмеялся он.

Зед завидел нас с Диланом уже давно, однако подошёл лишь сейчас. Зед поцеловал меня в висок, спросил что-то

мимолётно, и я ответила также бездумно. На долю секунды в глазах Дилана проскальзывает желчь, моментально растворяясь в глади Тихого океана. Я не почувствовала никакого мерзкого стеснения, наоборот – приятное воодушевление, покуда в голове пронёсся совет, мол, делай все так, словно это во сне, а не в реальности.

Остаток вечера мне я с интересом наблюдаю за Зедом и его новыми личностями, которые он всегда раскрывает перед теми или иными людьми по мере необходимости.

Грейс

Рассудок слегка затуманен алкоголем; смущение прошло, сменившись вкрадчивым любопытством. В этом доме посреди блаженной ночи настойчиво, маняще и лживо собралась толпа; и нашлась лишь одна сила, движущая ею; вовсе уж не такая разумная сила; она переменчиво кренилась, покачивалась из стороны в сторону. Она не вдохновлялась на подвиги торжественными обрядами и песнопениями, а лишь являлась редким талантом позирования каждого и каждой в ней. Видя сладкие муки, горькие радости, нежные страдания и приятное отчаяние других, я наблюдаю за Диланом, а он за мной. И все взгляды – сияющие, угрюмые, любопытные, восхищённые, вызывающие, манящие – обращены на него, потому что его наряд 20-х годов прошлого века и весь его облик выдают в нем поклонника часа веселья, часа удовольствий.

Я бы назвала Дилана сексуальным. Ни пошлым, ни вульгарным. Живым. От него ощущается этот поток энергии; его хочется коснуться. Он говорит с Алексом и незнакомцем, но в перерывах между словами делает небольшие глотки виски, бегло смотрит на проходящих. Когда падала тьма, луч маяка виднелся сквозь стёкла окон и притуплялся в лунном свете, медлил, тайком озирался и возвращался, влюблённый. Кру-

жась с Зедом, я клала руки на его плечи в попытке отмахнуться от всех этих ряженных павлинов, но земля неожиданно ушла из-под ног. Зед возмущается и помогает мне встать.

– Грейс, как ты? – спрашивает Дилан.

Он неожиданно выплыл сбоку, и я почувствовала его руку на плече. Дилан поддерживает меня, ограждая от нового падения. Но Зед разделил нас с Диланом из ревности, буркнул что-то почти хамское под нос и увёл меня к лестнице. Ах! Грубость – это обыденность для него в последнее время! (Но лишь бы не испортить надежды Али на становление Дилана в новом городке) Поднявшись на несколько ступеней выше, я слышу у себя за спиной пожелание Дилана:

– Сладких снов, королева, – сказал он, немного помедлив и глядя на меня, вернулся к Алексу.

В ответ я смогла лишь нарисовать на лице лёгкую улыбку для него, не имеющую в себе ни зла, ни откровения. В белоснежной и воздушной комнате, так контрастирующей с остальным домом, я коснулась рукой кружев покрывала кровати сливочного цвета.

– Удивлена?

– Твоей ревностью или интерьером? И тем, и тем, на самом-то деле, – ответила я и упала на постель.

Зед обходит кровать и садится возле. Я поднимаюсь на локти; гляжу на него.

– Он мне не нравится. Не общайся с Диланом, – приказывает Зед, также ложась на бок рядом.

– Нет, Зед. Ты не можешь указывать мне, с кем общаться, а с кем нет.

– В данном случае могу, – шепчет он, понижая голос.

– Нет. Не можешь. – Я касаюсь его подбородка и заставляю посмотреть на меня. – Я с тобой, Зед. Тебе незачем ревновать.

Помедлив мгновение, Зед кивает с явно наигранной улыбкой и оставляет меня одну в комнате засыпать, сам же уходит неизвестно куда. Сон захватывает целиком, не оставляя места реальности. Я обретаю тихую долгожданную заводь, пока бездна народа танцует всю ночь до утра и тайные страсти маленького городка кипят.

На следующее утро я просыпаюсь от жары. Открываю глаза и отчетливо вспоминаю вчерашний день: Дилана утром, день с Зедом, маяк, дом Алекса и Зеда, вновь Дилана и вновь вечеринку; провожающий взгляд. Зед лежит рядом со мной; он так спокоен под параличом сна. Он мирно дышит, а я отхлёбываю прохладную воду, осматривая широкоплечего блондина и помещение. Волосы Зеда слегка растрёпаны, такие непослушные пряди. Быстро одевшись, я выхожу из комнаты за завтраком. Негромко играющая музыка с первого этажа разливается свинцовыми кругами в воздухе. Сквозь стеклянный потолок в выси виднеются багряные и воздушные далёкие облака; пол покрыт мелким сором; жёлто-красные птицы вспышками мечутся вверху, голоса как ведьмы. Почти все комнаты первого этажа объединены арками; кухня

со столовой тоже. У тёмной барной стойки замечаю Алекса и Дилана за беседой с чайными кружками в руках.

– Почему ты уже встала? Сейчас лишь шесть утра.

Дилан обнимает меня в качестве приветствия. Он безупречен и прочен. Дилан будто созерцает мир с некой высоты, одет соответственно, но сознаёт сложные обязательства, которые накладывают на него здоровье, рост, богатство, статус и род деятельности. Он скрупулёзно придерживается, даже без нужды, тонкой старомодной учтивости, отчего мне так запоминается и нравится его поведение. И я не хочу говорить о вчерашней грубости Зеда; не портить же разговор.

– Заботливо решила смягчить завтраком ужас похмелья Зеда. – Я открываю кухонные шкафчики.

– Да, ты идеальная девушка, – встречает Алекс несмотря на то, что он не может терпеть неряшливости, олицетворением которой я сейчас являюсь. Алекс питает врождённое почтение к породе, к одежде.

Мне становится неуютно от своей не прибранности, но через миг я уже и забываю об этой беде. Алекс был так удивительно мил и оказал мне любезность комплиментом, пусть со всеми остальными он всегда грубоват. Алекс уходит к своему гарему этажом выше.

– Я понять не могу, в этом доме есть что-то съедобное?

– Только алкоголь. Грейс, давай начнем от Адама?

– От Адама?

– Мы позавтракаем вдвоем и тут же вернемся. Сейчас

6:20. Ты возьмешь завтрак Зеду, а он еще спать будет.

Так я оказалась с Диланом у ресторана в предрассветный час в его машине. Он открыл мне дверцу своей черной ретро машины, и раннее утреннее пение птиц отрезвило меня до конца; в этом прохладном воздухе разлит горький, здоровый запах полыни. Вода океана вплёскивается в скалы в паре сотен метров отсюда под лучами возрождающегося солнца. В густой буйной траве там и сям разбросаны разноцветные огни, бриллианты крупной росы. Только в глубоких и узких аллеях лесов, меж крутыми обрывами поросших кустарников ещё лежат, напоминая об ушедшей ночи, влажные синеватые тени.

И все же интеллигентный тип мужчин – самый сексуальный, самый харизматичный. Ведь интеллигенты знают классиков литературы и произведения искусства, знают историю (отчего бы это им любить историю? Оттого, что настоящее ужасно). Эстетическое чутье, восприимчивость к интеллектуальным ценностям, любовь к новым знаниям, понимание каждого человека, его характера и индивидуальности, восхищение природой, понимание тонких граней искусства от грубости и вульгарности – вот они, и я обожаю их, и хотелось бы видеть их больше вокруг себя.

– Не стой на ветру. Пойдём лучше внутрь. – Дилан скептически оглядывает мои голые плечи и застегивает на мне кофту, придерживает дверь.

Тёплый воздух обдувает тело, возвращая его к прошло-

му состоянию без еле ощутимой тугой дрожи. Мы проходим вглубь помещения; посетителей почти нет. Пустой зал, забитый множеством столиков. Стены покрыты тёмно-красными обоями, крупные окна открывают панораму на живую растительность за этими стенами. Садимся у оконных стёкол. Пожилая официантка подходит к нам и вручает в руки меню, но Дилан тут же, даже не открывая его, называет несколько японских блюд. Официантка уходит.

– Храни бог поваров и их кулинарные труды.

– Это уж точно.

– Ты так смотришь.

– И как же?

– С любопытством.

– Ты же не против?

– Только рад.

Мне хотелось забросать его сахаром – мы как раз завтракали. Перевожу взгляд на его руку, лежащую позади меня, на татуировку в виде полос разной ширины. Не осознавая до конца, я касаюсь кончиками пальцев его кожи, повторяя и выводя орнаменты рисунка закрытой книги с художественной кистью на его левом плече.

– Мы с тобой впервые где увиделись?

– На моей выставке.

– Точно. А сейчас я спрошу, возможно, самое шаблонное и глупое, что ты регулярно слышишь в своей жизни. Готов?

– Зарекаться не люблю, но я весь внимание.

– Есть ли смысл в этих рисунках? Лично для тебя.

Дилан с насмешливой улыбкой кивает. Я перестаю изучать рисунки, зато теперь все мое внимание приковано к шрамам. Опираясь на спинку кресла, я сажусь прямо и скольжу пальцами под ткань его футболки, полностью обнажая плечо.

Выслушав его рассказ, ловлю эфемерную мысль, связанную с его историей; я спрашиваю его:

– Сколько у тебя было девушек?

– Были многие, кто пытался взобраться верхом на меня, но я ничего не чувствовал. Они были пошлы и не отставали, как... – наперекор текучему и зыбкому отвечает он.

– Как Том от Джерри? – перебиваю я вольно.

– Да. – Он пожимает плечами, и уголки его губ поддразнивают. – Так оно и было чаще всего.

И я понимаю Дилана, ибо в моей жизни сложилась аналогичная ситуация. Были многие до Зеда, сам Зед, и во время Зеда свидания с другими. Но официально – лишь с ним. Лишь с Зедом. И мы с Диланом отделились минуте – минуте августовского утра, вобравшего отпечатки стольких прежних утр. Дилан – такой приятный собеседник. Мы уже хотели поехать обратно, но с нами произошло кое-что очень интригующее: когда мы спустились по ступеням из пиццерии (на улице стало значительно теплее), он подшучивал над картинами Густава Климта, как возле машины к нам подошёл европейский вариант бродяги попрошайки – парень предло-

жил написать стихотворение, и если оно нам понравится, то мы его купим. Переглянувшись и забыв уже о художнике, предмете наших споров, мы согласились. Мы сели на капот машины, и Дилан закурил, ожидая конца работы незнакомца. Утро было такое свежее, будто нарочно приготовленное для детишек на пляже.

– Ты слышала о делении любви на разные виды?

– По Платону? Да.

– Тогда, друг, вставь в одну из строчек слово «Агапэ», – просит Дилан, и голубой на фоне неба дым взвивается выше.

– Конечно! Хороший выбор.

Светловолосый, довольно неловкий молодой человек садиться на камень на обочине дороги и достаёт помятые листы бумаги; рюкзак с его вещами катиться с возвышенности, но он и не замечает этого недоразумения, падая глубже в музыкальную рифму.

– Я смутно помню характеристику Агапэ, – шепчу я Дилану.

– Самая поэтичная из всех шести, – улыбается он. – Идеальная любовь.

И несколько минут мы терпеливо ждали; все наши споры сошли на нет, а разговор зашёл в самое неожиданное русло, как когда ты бежишь летом возле бурного ручья, бежишь, и ничего не выдаёт того, что вот он внезапно оборвётся, и весь твой путь, наполненный фантазиями, был напрасным.

– Что ты думаешь насчёт жизни после смерти?

– Не помню сейчас, откуда я взял эту идею. Нет ни рая, ни ада. Есть лишь какая-то маленькая комнатка после; какое-то одно из твоих воспоминаний, где ты остаёшься навсегда, – отвечает он.

– Это поэтично.

По площади возле забегаловки разливается собачий лай.

– Это захватывающе. Каким бы у тебя было это воспоминание? – спрашивает Дилан.

Тёплый ветер оставляет воспоминания в наших скептических глазах и то, как мы принимаем жизнь, что-то нелепое и отрешённое, пока мы изучаем друг друга. Между тем поэт на обочине бубнит себе под нос языческие фразы, слагавшиеся в рифму; он напевает сам себе тихонькую песню. Искра сигареты разгорается, и Дилан снова выпускает дым и смотрит на меня.

– Мне кажется, оно ещё не настало.

– А если бы мы с тобой погибли этим вечером? У меня-то есть точный выбор.

– Тогда уж расскажи первый.

– Ладно. Этим особенным мгновением могла бы быть хоть даже эта секунда. – Он замолкает, смотрит внимательно на деревья, словно примеряя графарет, прикидывая наброски. – Но, вероятнее всего, это давний вечер, когда я сидел в курительной и оскорбил там одну девушку, а затем поцеловал. Просто знай, что она была сволочью, и не говори мне, что я груб.

– Я и не собиралась.

– Хорошо. – Дилан неожиданно усмехается и запрокидывает голову; я наблюдаю за движением его кадыка, когда подул ветер из-за спины. – Но есть ещё одно воспоминание. Вероятнее даже, оно и будет тем самым. Первое всё же проигрывает в значимости. Это было туманное утро, и в тот день я лишился одной очень близкой подруги; я нашёл её мёртвой на поляне. – Я замираю на месте; что за интересная персона с захватывающей жизнью! Я знаю, что в эту секунду он забивает себе голову разными ужасами, но не говорит об этом; не даёт себе воли. – Ещё немного, и на то место, где она лежала, упало бы подгнившее дерево и раздавило её тело так, что гроб был бы закрытым.

– Вы можете, пожалуйста, нам прочесть свою работу? – любезно прошу поэта я, быстро оглядывая глазами содержание, слова, которые поэт вывел карандашом низко, нежно, точно спелые органные ноты, но с хрипотцой.

Дилан сует ему банкноту и сдёргивает с себя куртку; поэт встает напротив, неловко перетаптываясь, но начав читать, он завладевает своим голосом от твердого знания, на каких ладах связок необходимо играть:

Иллюзии трезвых дней постепенно проходят.

И он помнит осенние короткие ночи,
когда она казалась совершенно другой!

Граница меж небом и нами забыта,

Ныне по пальцам считая в карманах, сколько ж Их было,
Он, размышлял об Агапэ.
Да, Их не забыть,
Ни одну из памяти не упустить.
За то, что Они и Она дали ему,
Стоило бы возблагодарить.

Я улыбаюсь, а Дилан молчит, затем кивает, и поэт уходит.
Когда мы подъезжаем к дому, где мы провели ночь порознь,
он задает вопрос:

– Я хотел спросить, подумала ли ты, какое из воспомина-
ний будет особенным?

– Кажется, да.

– Расскажешь?

– А ты меня иначе не отпустишь, – забавляюсь я.

– И то верно.

– Итак, мне было около пяти лет. Это был, если я не оши-
баюсь, июнь. Раньше перед моим домом висел гамак меж
двух сосен. Они всё ещё растут на том же месте. И на нём
довольно часто качал меня отец, а мать ругалась, мол, никто
не имеет права слоняться и праздно шататься; что каждый
обязан что-то делать, кем-то быть. – Я замолчала.

– Это всё? Это в твоём стиле.

– Нет! И что значит в моем стиле?

– Просто продолжай, – смеётся Дилан.

– Потом он полил меня ледяной водой из садового шлан-

га. Я до сих пор помню это ощущение, словно тысячи игл вонзаются в душу. Но даже не в этом суть! К черту лирику; примерно через час мои родители вдвоём заперлись в спальне, и я точно помню свои мысли: «Зачем они так шумят?» Я думала о том, почему моя мать кричит «о Боже», если она не верит в Бога. – Дилан засмеялся и прижался лбом к рулю, а я только лишь продолжаю с нарастающей интонацией: – И почему они не говорят друг с другом? Чем они там ещё могут заниматься?! И почему они так странно дышат?

Но наш с Диланом смех неожиданно прерывают: дверца машины открывается извне, и в минуту нашей немислимой доброй близости задрожал чужой голос, как пчела, будто звон, где мы сидели вдвоём; ах! нет – втроём.

– Зеди! Да ты очухался после выпивки, – отпускает Дилан после того, как открыл дверь с моей стороны сам, опираясь рукой о моё колено, ведь сказать, что я растерялась, – это недостаточно.

Музыка листьев в тени переходит на более низкие, глубокие мотивы, и Зед почти что вырывает меня из салона машины, нахамив как и мне, так и Дилану. Дилан сунулся бы в наш спор, но я прошу оставить нас с Зедом вдвоем. Какими бы мы ни были цивилизованными и культурными, с намазанной на наши языки порядочностью, но в первую очередь мы животные. Раз уж мы злы, то вот так, с хрипотой кричим, до потери сознания, не слышим друг друга. «Сволочь! Сволочь!», – кричу я Зеду от всей глупости его обиды на меня,

а весь мир словно замер. Если его мысли расстроены, а настроение подавлено, он часто бывает резок.

Когда я выбегаю на пляж, небесная гладь смазывается полётами испуганных чаек. Оставшийся день я провожу с Алексом на побережье, покуда погода постепенно улучшается. Мы рассматриваем растения, и я ничего не могу с собой поделаться, ведь от злости раздираю свою кожу так, что кровь превращается в звёзды на моей коже. Маленькие и алые, блестящие, как клюквенное варенье, капли сияют, а кровь начинает свёртываться, напрашиваясь на второй раунд, чтобы я размазала кровь ко всем чертям по своему телу. Я прихожу в себя только на следующее утро – отвечаю на новопришедшее сообщение Дилана.

– Мне стоило дать тебе возможность объясниться. Надеюсь, что у тебя не было проблем из-за этого.

Часы аккуратным плотным отзвуком повседневности отбивают пять утра. Дилан пробивается сквозь серо-зелёную сонь раннего часа; а сонь всё обволакивает и обволакивает меня, отбирая слова летаргией сплошного пресного спокойствия с подступающей тошнотой в глотке. Но я лишь улыбаюсь самой себе и отвечаю на сообщение:

– Тебе стоило, но уже поздно. Всё в полном порядке, – лгу я.

Через пару часов мой ментор Даниэль подъезжает к дому, и мы направляемся в Окленд. Спектакль с моим участием идёт полдюжины раз за эти три дня. (Он может заснуть

буквально в любом месте и в любой позе; Даниэль равнодушно относится к общественному мнению, считая, что прекрасно знает, что есть «хорошо» и что есть «плохо», и без других людей. Свободное время проводит за старинной печатной машинкой деда, сочиняя различные сценарии, которые после откладывает в большую шкатулку и закрывает на ключ, а через год перечитывает и ставит по ним пьесы)

Звёздная Ночь

Ночи необходимо многое совершить. Она ни то вздохнула, ни, то застонала, подумала о своём и вздохнула вновь, облегчённо, горько. Растрогалась и сама получила по носу, как бьющей с отскоком колючей веткой. Ночь будто бы надвое разрывает: одна её часть тянется туда, где было дымчатое тихое минувшее утро, когда навсегда ушла дорогая душа, а океан неизменно стоял в необычной дали; но другая часть упрямо, строптиво застряла тут, на лужайке, возле незнакомого дома со знакомыми обитателями. Перед собой она видит холст – он словно взмывает и, белый, неумолимо навязывается глазу, и холодной белизной корит за все эти дёрганья и тревобления, за зряшную трату эмоций вечера и половины ночи. Ночь призывает саму себя к порядку; и куда расстроенные чувства покидают в смятении поле, как и она сама покидала завершившийся период жизни, Ночь начинает разбирать вещи, самые личные и самые сокровенные в кладовке. Те, что нельзя никому показать.

Подобным образом она и проводит оставшуюся половину

темноты, рассуждая, как она будет рассказывать о них через несколько месяцев. Не знает Ночь, когда именно, но точно уж расскажет, поведает хоть кому-нибудь. Но сперва завоюет её сердце.

Грейс

После очередного выступления к вечеру я наконец-то возвращаюсь. Измотанная, но счастливая, проведавшая мать с отчимом и встретившая продюсеров на обеде в ресторане, я в конце концов вспоминаю о своих планах. Часы бьют пять вечера.

Собравшись, выбегаю на улицу из дома, а внутри зреет неоправданное волнение; Логан ждет меня в машине и безостановочно сигналист, пока я не села внутрь.

– Ну и как прошли твои выступления? – интересуется Логан вместо приветствия.

Я пересказываю события прошедших дней до того момента, как мы заезжаем на парковку кофейни и, чертыхаясь, вбегаем в помещение. Нет ни одного знакомого, даже Нэт – сегодня не её смена.

– Что-то Али с Алексом задерживаются, – стонет он и жестом указывает мне на свободный столик, предлагая занять его.

– Впрочем, как и всегда.

Голубоглазый брюнет выхватывает телефон из моих рук, ладонью другой руки множество раз ударяя о поверхность стола, подражая барабанной дроби. Вопросительно изгибаю

брови с дружеской улыбкой на лице.

– Скажи мне, вы с Зедом помирились? Я волнуюсь за ваши отношения...

Но только я хочу ответить, как фигуры Али с Алексом всплывают возле нас; их мокрые волосы, помятая одежда, – обычно такое неуловимое счастье здесь приобрело чёткое выражение. Они присоединяются к нам; неоновое освещение включается, музыка постепенно убыстряется. Солнечные лучи, растворённые в воздухе, скоро становятся невидимыми. Темнота расплёскивается за окном.

Насильно вырываю себя из дремотного состояния и сквозь отрешённость изучаю большую заходящую внутрь компанию. Столь разнородный состав, но один парень выделяется из общего контекста. Это... это Дилан. Ну, конечно же! Первая ловлю глубокий карий цвет и улыбку; вот его замечают остальная троица. Знатный художник с выставками по миру; человек поразительной одарённости – я сама видела; он неизвестно зачем переехал в небольшую провинцию и уже обзавёлся теми, кто прыгает на него и кружит возле как стервятники.

– Дилан! – вскрикивают они почти хором.

– Может быть, ты всё-таки сядешь? – предлагает Алиша, как самая близкая ему из всех нас; она всегда так харизматично изгибает брови.

Дилан переводит взгляд на Али, а затем на меня и Лога-на. Вот он уже обходит наш диван, взбирается на сиденье по-

зади, перешагивает спинку и приземляется, протискиваясь, меж мной и Алексом. Крайне открытый тип, этот Барнетт! Официантка принимает его заказ: фильтр кофе и пепельницу. Я отпиваю скотч Логана. Я заметила, что Дилан всегда ест немного, никогда не наедается до отвала, только по мере голода, а порой и вовсе забывает поесть в порыве творчества. Теперь я отпила из другого стакана; напиток жжёт так же, как и джин, но я люблю это.

– Как твоё выступление, королева? Вернее сказать атеистишка.

Да, у Дилана есть этот императив к самовыражению – эта восприимчивость к любым изменениям чувств другого, то бишь чувственность и чувствительность. Чтобы владеть техникой рисования, необходимо тонко чувствовать человеческие души (это значит разбираться в литературе). Почти что невозможно рисовать человека, не зная, что скрывается под его кожей. Какие органы, сухожилия, мышцы и связки. И лицо необходимо рисовать, прекрасно отдавая себе отчёт в том, что происходит в человеческих душах. И Дилан это знает. Неожиданно звонит мой телефон (личный маячок, кравший информацию обо мне, ей-богу, не люблю телефоны), и Кэррол говорит в трубку на другом конце Портленда:

– Грейс, поезжай к дому Виктории.

– Ты говоришь о моей сводной сестре? Что-то произошло?

– Надеюсь, ничего серьезного, – отвечает она беззаботно,

не тревожась ни о чем и ни о ком, но я слышу через трубку фоном нервный голос Майка; все же Виктория – его дочь от первого брака.

Я прошу прислать мне адрес сестры, будучи настороженной от неожиданности подобной просьбы о девушке, которую видела всего однажды. Когда я удивляю известием друзей, Дилан кладёт обе руки на стол и внимательно изучает обстановку.

Грейс

Полицейская сирена одиноко разрывает воздух, звуки прибора. Я вжимаюсь в спинку сиденья вместе с Логаном и немым взглядом умоляю друзей ехать быстрее; мать так и не объяснила, что произошло. Мотаясь по извилистым склонам, мы проезжаем кварталы, которые этой ночью подобны туманному Константинополю в тених. Заворачиваем за угол улицы, и перед нами открывается вид на площадь соседской общины, куда выходят палисадники домов. Их заливают свет фар полицейских машин. Логан останавливает автомобиль, оборачиваясь ко мне всем телом и намереваясь что-то сказать. Но к тому моменту я выбегаю на улицу, захлопывая дверцу так, что тонированные задние стекла звонко дребезжат. «Ничего серьезного?» – судорожно спрашиваю я в пугающей атмосфере. В очередной раз мне позвонил Майк, и я пообещала ему не бояться полиции, ибо они слишком некомпетентны ни для исполнения своих угроз, ни для справедливого раскрытия дела. Мне было важно увидеть случившееся собственными глазами.

Шумно. Небольшая толпа собралась возле дома; полиция не подпускает их близко. Стремительно пересекаю площадь и натываюсь на руку мужчины средних лет в форме. Рыжие усы над его верхней губой поддразнивают, извиваясь в дви-

жении.

– Полегче, девчонка. Это место самоубийства.

Самоубийства?.. Дух опускается ниже, куда-то прямо в пальцы ног, а мышцы живота стягивает сильнее. Впиваюсь ногтями в свою ладонь, чтобы проверить, реальность ли это. Я оборачиваюсь в поиске поддержки друзей, и ближе всех обнаруживаю знакомые фиалковые глаза.

– Это моя сестра. Немедленно пустите меня! – требую я. – Ее отец уже едет сюда из Портленда, и это займет несколько часов! – Рыжик оборачивается на вышедшую женщина-детектив с кофе в руках, жестом указывает на меня (я уже не вижу никого из своих друзей; мои мысли обратились в квинтэссенцию из обязательств перед тонкой душой Майка).

Детектив без промедления позволяет мне зайти на территорию дома. Неожиданно для всех, и даже для самой себя, я стремительно пробегаю изумрудный газон кухни и влетаю в дом. Я не откликаюсь на голос детектива, в беспамятстве взбираюсь по миндального цвета спиральной лестнице на второй этаж-чердак. Внизу слышатся громкие голоса. Здесь лишь одна большая комната, на полу сор и жутким образом раскиданы вещи; я задыхаюсь, когда впервые после гибели отца вновь сталкиваюсь со смертью. Тело крашеной блондинки двадцати пяти лет висит на люстре и резко контрастирует с наполненной светом комнатой. На запястьях Виктории я замечаю крепкие следы от стяжек, но вот меня уже выволакивают из комнаты.

Читатель, следующее, что я помню, это как я сижу в участке: серебристая мебель, такое же стекло, одинокий стол и два стула.

– Вероятнее всего, она повесилась, Грейс. – Пожилой следователь перешёл со мной на «ты», хотя никто ему и не позволял. Чувствую, как ком бесконечного напряжения постепенно проходит вниз по глотке вместе с тёплой водой. – Все улики указывают на это, точнее, их абсолютное отсутствие.

– А что до явно насильственных следов на кистях Виктории?

– Сама себя привязала.

– Вы видели погром в ее комнате, она защищалась! – вскрикиваю я.

– Она могла это устроить и сама.

«Что вы за подонки?» – подумала я.

Но чего я могу ожидать от семидесятилетнего шерифа, который занимается вышиванием крестиком на рабочем месте? Такой уж это городок (ведь даже если со мной произойдёт беда, я тоже не обращусь к властям). Я помню, как однажды заявила в полицию о краже, на что шериф мне ответил: «Я более чем уверен, что тебе это просто кажется. В моем городке никогда никто не крадет друг у друга, – вот что сказал мне престарелый сотрудник. – Милочка, отоспись, и утром найдешь потерянное. Твой юный ум фантазирует». Некомпетентные правоохранительные органы.

Звёздная Ночь

«Тело, душа, ум. Телу принадлежат ощущения, душе – стремления, уму – основоположение». Ночь чувствовала себя раздавленной этой мрачной тишиной и красотой пред-рассветного часа, чувствовала, что хочет быстрее увидеть её вновь. Ночь помнила каждое начало и каждое падение.

Грейс

Я оказываюсь в просторном коридоре. Холодный свет освещает периметр, а железные стулья вдоль стен пусты. Скользящий белоснежный кафель под ногами неожиданно для меня является поводом к новой картинке перед глазами – первый раз, когда я видела Викторию. Это был семейный вечер, и она стояла прямо напротив окна с ослепительным дневным солнечным светом. Единственное воспоминание о моей сводной сестре – тот вечер. То красное платье так шло ей, а сейчас... Виктория мертва. Так странно. Мы не были близки; теперь уже у меня есть второе о ней воспоминание – бездыханное свисающее тело в полуметре над полом. Мы со следователем проходим в общее отделение; здесь больше людей. Он скрывается в одном из многочисленных кабинетов, а я подписываю бумаги, и вот посреди всей суеты я замечаю знакомое лицо. Хоть кто-то в этом абсолютно бредовом мире! Спасаясь от кошмара действительности, бросаюсь на его плечи, не контролируя себя и проявления чувств. Дилан слегка отшатывается назад, не ожидая такой силы от меня. И вот колебания проходят, мы вместе останавливаемся на месте.

– Я понимаю, тебя ранит случившееся, – шепчет близкий друг Али.

Чувствую единственную горячую слезу, опускающуюся по моей щеке ниже. Обвиваю рукой его шею, а Дилан осторожно прикасается ладонью к моей спине, где-то прямо между лопаток. Такие успокаивающие прикосновения незнакомца. И вдруг, сражённая неуловимыми силами, поймавшими меня врасплох, я ударяюсь в слезы. Я стою и плачу, ничуть не стыдясь своих слез.

– Нет, я... – я замолкаю на мгновение, вдыхая взхлѐб воздух как спасение. – Мне должно быть больно, но я видела её лишь дважды в жизни. И это был второй раз. Возможно, мои слезы и неоправданные. Я просто впервые со времени гибели отца столкнулась со смертью снова, – озвучила я свои мысли напрямиком из дома Виктории.

Ещё одна слеза, но теперь уже тонкая и тихая, опускается в тот момент, когда я отстраняюсь от Дилана. Обнаруживаю карие глаза, а моя рука локтем всё ещё опирается о его плечо. Дилан изучает мои черты со скорбью в глазах, а я ощущаю его дыхание. Кроме трагедии, внутри самой себя я обнаруживаю дрожь и воздух в диафрагме; по крайней мере, я перестала задыхаться. Но Дилан встрепенулся, отозвав свои несказанные слова, и я в ответ отстраняюсь. Мы сели на железную жѐсткую скамью, и к нам присоединилась Алиша до того момента, как ночь перешла в утренние часы. Я вновь облокотилась о его плечо от невероятной слабости.

– Виктория оставила хоть что-нибудь? – бормочет Алиша. – Может быть записку...

– Мы уже слышали неоднократно от Грейс, что ничего не было найдено. Но они продолжают обыскивать дом.

Разговор всё продолжается, подменяя темы, но я вовсе не участвую в нем, не чувствую его. Ощущаю только прожигающую внутренности пустоту, и сквозь часы пугающее равнодушие спускается на моё сердце. Теперь вместо картинок мёртвой я думала лишь, что мне нравится версия людей в шесть утра. Такие уязвимые, честные, настоящие.

Звёздная Ночь

Ночь чувствовала себя такой предательницей, чувствовала, что человеку хочется более душевной беседы, но была к ней не способна. И нашла на Ночь тоска, стало скучно – сидеть тут и ждать новостей. Свет Ночи такой же, как свет, давно потухших звёзд. Он излучается ещё до нашей жизни, и постепенно, сквозь дни, месяцы и года доходит до нас, постепенно вразумляя. Потом мы осознаём, потом мы благодарим.

Грейс

Покрывшись мурашками, я выбегаю на улицу, заметив первые утренние лучи. Туманный восход; густые ночные пары рассеиваются отдельными хлопьями, ожидая той минуты, когда будут обращены ни во что. Высоко в воздухе, не видные глазу, трепещут и звенят жаворонки. Чувство в глотке – словно это последнее утро на другом континенте, где

ты больше никогда не окажешься. Меня немного знобит от утренней свежести, и машины въезжают на полупустынную парковку перед участком, позади же дорога и стройный ряд закрытых магазинов. Но вот мои мысли прекращаются; в окнах только что заехавшего автомобиля я замечаю Кэррол, Майка и Зеда с ними.

– Грейси, что предположительно произошло? – спрашивает Кэррол удивительно спокойным тоном, выходя из салона автомобиля.

«Только мой отец может так меня называть!» – почти что вскрикиваю я, но в очередной раз сдерживаюсь. Она не поймёт. Никогда не понимала. А Майк неохотно выходит наружу. В его покрасневших глазах стоят слезы. Кажется, будто впервые в жизни вижу его таким; вот в чем причина всех бед – привязанность к ближним (но ведь это его дочь!). Кровные родные остались на опознание тела, и Зед молча посадил меня в автомобиль. Серьёзный и твёрдый духом, он оказывается рядом со мной. Перевожу взгляд на Зеда и бессознательно вздрагиваю, жду, когда его бескомпромиссный самоконтроль смягчится. Он, словно волчонок, совершенно позабыв причины нашего отдаления друг от друга, нашей ссоры, прижимает моё тело к своей груди, не обращая внимания на перегородку. Все резко забывается, все проблемы и конфликты. Ладонью он держит меня за затылок, переходя на шею пальцами и постепенно отдаляясь. Я больше не плачу.

– Мне так жаль, Грейси, так жаль...

«Никто и никогда, кроме моего отца», – повторяю я про себя. Лишь ему за всю жизнь я говорила, что люблю его, лишь ему позволяла так себя называть.

– Я люблю тебя, Грейси, – солгал он.

Я вздрогнула, но Зед и не заметил.

– И я люблю тебя.

Я заметила этот диссонанс в наших с ним отношениях и замолчала.

От автора

Я думала, мучилась, грустила. Я пересмотрела первую часть романа строго, самоуничтожительно, заглядывая и в себя саму, и в актуальность тем. Возможно, можно было бы написать проще; возможно, стоило развить какую-нибудь мысль глубже, да и не вдаваться в романтику, в любовь. Цензуре заплачу я долг и все равно продолжу описывать, кажется, один из самых иррациональных аспектов человеческой жизни: секс и виды любви, её последствия, человеческую душу и то, как просто её вывести из себя.

Если вам, милый друг, уже наскучило, то могу лишь посоветовать перелистнуть на главу № 24.

Фаза первая

Глава 1

Грейс

Время иногда летит птицей, иногда ползёт жуком. Прошло три дня. Нахожусь в теперь уже полностью изученном мной доме Зеда. Отблески солнца играют в воде океана через стекло окон, как золотые нити. Восход солнца теплеет на горизонте, а свежесть очередного летнего утра будоражит. Семь тридцать шесть утра. Американская цивилизация заводится, свет исходит от люстр позади меня. Бежево-фиолетовый воздух; светлые доски паркета. Вот здесь я была совсем недавно, на той вечеринке. И тут, в нескольких метрах, сидели Али с Логаном.

– Грейси. – В очередной раз вздрагиваю от резкости этого слова. Зед, зная все подробности, продолжает так нарекать меня, рая сердце.

И тогда я поняла по голосу, по взвинченности, запальчивости – Зеду пойдёт на пользу успех. Но вот он останавливается, протягивая мне звонящую трубку.

– Думаю, это Майк, – стонет он.

Откидываюсь на бежевое кожаное сиденье дивана. В эту секунду, услышав происходящее, вбегает Алекс; Алиша и Логан приземлились на сидение подле меня. Все собрались

около меня, и я взяла трубку. Слышится голос, вещающий о выясненных обстоятельствах дела. «Это какой-то фарс», – шепчет голос внутри. Сукин сын, я видела следы от стяжек! То есть Виктория заковала себя, потом освободилась и повесилась? Краем глаза замечаю знакомые орнаменты полос на руке, уносящие меня в тот торжественный лесок, в утро после вечеринки. К нам присоединяется и Дилан. Сверкнув взглядом, он сел возле Али, но я не обращаю ни крупицы внимания ни на кого вокруг. Румянец волнения от оглашения вердикта растекается по шее, по щекам, а произвольный ком застревает в горле.

– Дело Виктории признали самоубийством, – выдыхаю я, отбрасывая телефон на столик.

Логан резко откидывается на спинку кресла, Али перебирает пальцами рук крест на груди. Повисла глубокая тишина, такая звучная и долгая.

– Грейс, – встречает Зед. Поднимаю глаза от пола, куда уставилась и не поняла, сколько времени прошло, на него. – Она ведь вовсе не была тебе дорога, – продолжает он равнодушно и встаёт с кресла напротив. – Не беспокойся об этом, ладно?

Удивительное пренебрежение к чувствам другого во имя истины, резкий, грубый выпад против простейших условностей показали мне таким чудовищным проявлением всех человеческих установлений, что, огорчённая, ошарашенная, я склонила голову без ответа, будто безропотно подставля-

ьясь колкому граду, мутному ливню. Ну что на такое сказать? Зед словно навис надо мной ментально, хотя нас и разделяет несколько метров.

– Да, ты прав. Конечно, – в ответ лишь глупо мямлю, поглядывая на окно. Хочу быстрее сбежать отсюда.

Блондин безразлично укрывается в ближайшей из комнат, призывая меня к такому же безразличию. Но я лишь улыбаюсь оцепеневшей Али, и вот ноги уносят моё тело в коридор. Что за голгофа этот дом! И мой собственный дом – такое же место страданий. Прерывистость дыхания лишает тело обычного ритма; ощущение полнейшей несправедливости душит. Брожу в излишних треволнениях и наконец взрываюсь. Чуть ли не подпрыгивая на месте, я взбираюсь по лестнице на верхний этаж, но неожиданно чья-то рука находит мою.

Звёздная Ночь

Жалкая машина, негодная машина, думала я – человеческое приспособление для описания картин жизни словами, для чувств чужого и своих; вечно в критическую минуту отказывает; вот геройски и заводи её снова, пытаюсь рассказать свою историю.

Грейс

Слёзы находят выход – опускаются ниже по коже. В который раз за эти дни позволяю проявиться слабости перед ним. Это один из возмутительнейших актов нынешнего правительства – признание дела самоубийством!

– Я знаю, что видела следы от стяжек, – выдыхаю я.

Утыкаюсь в грудь Дилана, не задумываясь; чувствую ладонь его руки на спине между лопатками, стискивающее меня и поддерживающее объятие. Это лучше, чем бесстрастность Зеда. Дилан становится таким тоскливым, но вскоре горечь сменяется словами:

– Ты хорошо держалась, – шепчет он. – Но ты уже ничего не можешь сделать или доказать.

Сдерживаю слезы с невероятным трудом и устремляю взор в пол; чувствую сырость на его хлопковой белоснежной рубашке. Кончиками пальцев впиваюсь в его руку, где-то у чёрных полос. Дрожь проходит по икрам ног и поднимается постепенно выше, останавливаясь в рёбрах.

Дилан Барнетт

Грейс самостоятельно справляется с наплывами чувств. Как же хорошо, что я пошёл за ней. Этой хаотичной, безразличной обстановке не хватает густого табачного дыма, постепенно уходящего в стыки панелей потолка.

Нельзя выставлять себя идиотом сегодня; я наблюдаю за её дрожащими ресницами, восстанавливающимся дыханием. Так хочется провести рукой по её телу и успокоить. Успокоить по-настоящему, а не этой чушью, которую я выдаю за поддержку. Но это недопустимо. Мне нужна её любовь, а ни влюблённость, ни дружба. Грейс должна чувствовать меня, чувствовать целиком, и она должна любить меня так, как я люблю ее. Я никому никогда не говорил, что любил их. Ни

матери, которую и не помню, и явно ни отцу (как хорошо, что он мёртв). Возможно, сестре, но я был так мал тогда... и прошли года.

Так ведь всегда и происходит. Трагедия сближает. Не то чтобы я настолько эгоистичен, чтобы радоваться её утрате, но будем честны – я всегда был эгоистом. Однажды Воннегут написал: «Сотни женщин тому назад, двести пятьдесят тысяч сигарет тому назад, три тысячи литров спиртного тому назад». История, вещающая обо мне. Её роскошная женственность, бьющая через край, впивается в ход дня; правильно расценив поворот в настроении Грейс – теперь, полагаю, она думала о том же, что и я сам, – я освободился от мук и, отбрасывая в сторону несобранность, боязнь, приподнял её поникшую голову.

– Грейс, – хочу сказать это как можно увереннее, но, как обычно, в моем голосе при ней слышится лишь хриплость и полушёпот, – ты такая красивая, когда плачешь.

Она смущённо отводит взгляд и до того, как уйти, целует в щеку на прощание. Я наблюдаю в окно, как она выходит и среди моря цветов идет к океану. Я люблю её всем сердцем – такую, как есть. Засыпая этим же вечером, я вспоминаю нежность её губ на своей щеке

Глава 2

Грейс

Стою у океана, который слизывает песок под моими ногами. Железные обручи стиснули мою грудь ещё сильнее; по тропам, ведущим к берегу, пересекаю сад. Не могу сама себе поверить! Когда Дилан говорил, в его голосе слышались такая теплота, такая искренность. Но мой внутренний голос взывает к разуму.

Дни стоят ласковые. Солнце поднимается уже два часа как, и глядеть на восток не больно глазам. Теперь видны только три лодки; отсюда, кажется, что они совсем низко сидят в воде и почти не отошли от берега. Тонкий аромат соли и свежести и ещё на удивление католического храма и воска опустились на меня, словно туман на хрустальные морщинистые скалы. Грейс, зачем ты поцеловала его? «Поцеловала в щеку», – напоминает подсознание. Судорожно, порциями вдыхаю воздух, оглядываясь на дом, и чувствую, как уведомление приходит на мой телефон. Наконец соглашаюсь с поступившим от Дилана предложением съездить куда-нибудь. Надо признать, что он безнадёжно привлекателен.

Дьявол! Майк наверняка содрогается от рыданий в эти секунды! А я договариваюсь о встрече с каким-то парнем! Мне нужно ехать обратно к дому. Гроздья пены всё зыблются жемчугом; гроздья гнева и тревоги. Деревья переминают-

ся на побережье. Я обнаруживаю семейство в лабиринте отчаяния. Но душевная боль Кэррол (если страдания вообще присуще такой, как она) отступала день за днём, Майк же пришёл в разумное состояние лишь к похоронам в местной церкви. Казалось, черты лица священника, произносившего долгие слова, вырезал скульптор, который в разгар работы устал и отбросил свой резец. Нечто такое подавленное и горестное отражается в высоких скулах, в темной щетине... Вот что бы чувствовали другие на моем месте? Я стою на лугу с величественными деревьями, но это кладбище. Запах смерти. Такой тонкий аромат штормового моря и сырости, запах старости и запах площади. Запах публичного дома. Всё это сочетается со слезами близких и покалывающей прохладой, вместе с полевыми цветами по дороге и скупым молчанием.

Ночь. Пробило двенадцать. Теплота обстановки смешивается с языками сумеречного ветра с улицы, доносящегося от окна и развевающего тонкий, полупрозрачный тюль. Я специально не закрываю окно; надеюсь, что и так станет тепло.

– Я... я просто хотел сказать тебе спасибо за то, что ты рядом, Грейс, – мямлит Майк, сверкая голубизной глаз.

– Конечно, – слабо улыбаюсь в ответ я.

– И спасибо, что не побоялась полиции и исполнила мою просьбу... в буквальном смысле.

– Это было необходимо, Майк.

Его уставшие заплаканные глаза, кровавые протяжные ка-

пилляры похожи на ветвистые молнии в одну из тёплых южных ночей. Майк уходит, а на фоне Кэррол причитает о прошедших проводах; бросаю с ужасным негодованием одну из кроватных подушек в сторону так, что она отлетает от стены к ногам. Да когда придёт этот сон?! Последнее, что я могу пожелать, это остаться в этом дне. В мрачный поздний час фантазия сбрасывает оковы рассудка, и зловещие образы обретают всё большую силу. Я подошла к окну, дрожь сжимает поперек мышцы живота. Вновь замечаю уже вторые человеческие очертания за эту ночь (кроме Майка). Женщина.

И вот никого вовсе и нет. Это была она! Точно она! Я уже видела её совсем недавно, в один из вечеров этого текущего лета перед приходом Али! В момент сильнейшей уязвимости я бегу вниз. Входная дверь раскрывается, но, как я и думала, абсолютная тишина и потёмки прикрывают свою мафию. Я поднимаюсь наверх, захлопываю дверь, звоню Алише.

– Ты разбудила меня, – ее нежный лепет успокаивает меня с детских времен. Я извиняюсь перед Али, а она вздыхает, вставая: – Забудь, не вопрос, Грейс. У тебя странный голос. Что произошло?

– Или же у меня самые настоящие видения, или же какая-то женщина наблюдает за мной уже во второй раз, – прошептала я и слегка отдернула штору. Я выглянула наружу, но никого уже не было. Было темно.

– А я думала, что только у меня бывают видения, – не до конца проснувшись, буркнула Алиша, очевидно, недопони-

мая всей тонкости момента.

– Али, это не шутка! Мне жутко находиться в этом доме. В прошлый раз она провела несколько часов, заглядывая в окна; а сегодня так и ждала, пока я выгляну.

Быстрым шагом я подхожу к кровати и укутываюсь в одеяло, хотя бы ради чувства безопасности. Сквозь разделяющие нас километры я ощущаю ласковый укор Али и мысленно присаживаюсь к не на кровать; я знаю, что Али не воспримет мою правду всерьез. В комнате отдаёт морозной свежестью. Дверная ручка стала сливаться с темнотой. Благодаря подруге мне стало гораздо спокойнее. Такие мимолетные моменты создают глубокие связи между людьми.

– Начнем с того, что у тебя за стеной спят Кэррол с Майком, а двери закрыты. Ты в безопасности, Грейс.

– Алиша, просто отвледи меня от всех этих мыслей.

– Что это была за женщина?

– Я просила отвлечь меня!

– А может быть, это твой поклонник? Уже бывали случаи, когда тебя узнавали в Портленде и не только, а в нашем городке уж точно каждый тебя знает. – Какая дикость!

Ты никогда не ощущаешь, не веришь в подобные секунды в действительность сказанного. Ты никогда не чувствуешь хоть каплю сухого вина признания, пока не сталкиваешься лицом к лицу. «Но я труслива!», – чуть ли не восклицаю я.

– Я просила отвлечь меня, дорогая! – повторилась я, сама сидя настороженная, вспоминаю крупные глаза женщи-

ны; я сделалась в последние годы ужасно чувствительная, все действует на меня, буквально все.

– Хорошо, о чем ты хотела бы поговорить?

– Расскажи, как у тебя обстоят дела с Логаном.

– Как всегда, все великолепно. – Я слышу, как Али влюбленно улыбаётся в трубку. – Он не переносит даже недолгую разлуку со мной, особенно после возвращения из Англии, и прерывается лишь на работу в лаборатории.

– Да, и уж точно раздражает своим поведением Алекса, – посмеялась я.

– Ну, ты, конечно, сравнила! Совершенно разный сорт мужчин, – сказала Али. – Логан и Алекс – флегматик и холерик соответственно. Ничего общего.

– Но, видишь, общаются.

– Грейс, а ты позвонила Зеду и рассказала о происходящем?

– Нет, я не говорила ему, – растерялась я. – И, думаю, не стоит. Давай лучше поговорим о чем-нибудь другом? – Я сбегая от размышлений, зная, что делаю этим только хуже, я все равно продолжаю выискивать морды демонов в темноте.

– Да, я и забыла ваше правило: «Никакого бесполезного упоения жалостью друг к другу».

Сейчас всё чувствуется чуждым и чужим, словно в святом, мудром сне. Алиша укладывает меня в постель, и мы говорим остаток ночи громко, отрывисто, уютно и невпопад смеясь.

– Можно я стану тобой, когда вырасту? – спрашиваю я ее перед тем, как мы повесили трубки с обоих концов.

Когда-то мы с Диланом договорись на встречу. Теперь я устроилась внутри его машины, и мы едем по узкой гравийной дороге мимо деревьев. Музыка играет негромко и успокаивающе. Передние окна открыты, впуская небольшой поток освежающего воздуха. Дилан ведёт машину плавно, параллельно ведя разговор со мной и положив руку на подлокотник. Когда мы останавливаемся, я выбегаю из салона, не закрыв за собой дверцу автомобиля. Почва под ногами влажная, мягкая, словно вулканический пепел. Заросли с каждым шагом приобретают всё более цивилизованный вид; крики птиц органично дополняют реальность – казалось, мир навеки останется в этом сумеречном состоянии. Резко становится тише; Дилан заглушил двигатель и идёт ко мне. Вокруг нет ничего, кроме низких трав, контрастирующих с высокими деревьями и будто перешёптывающихся между собой очень тихими голосами.

– Чем мы будем здесь заниматься?

– Сейчас узнаешь. Не переживай, убивать тебя здесь я не буду, – рассмеялся он игриво и достал из багажника корзину для пикника. – Удивлена? Когда ты в последний раз устраивала пикник?

– Около пяти лет назад. Мне всегда это нравилось, но в последнее время было просто не до того.

– Что ж, пора возобновить эту традицию.

Мы берём курс по уже вытоптанной чужаками тропинке на холме; весь город, беспокойный океан и увядающее светило как на ладони. Голубое низкое небо; насыщенный закат ослепляет глаза; играет «Summer wind». Помню, как однажды под эту мелодию отец с матерью кружились в вальсе на первом этаже нашего дома, где ныне я осталась совершенно одна. Как же всё тогда было легко и непринуждённо. Я была простым ребёнком, но, сказать честно, я бы ни за что не вернулась в то время моей жизни. Снова переживать всё, что произошло, я не смогу. Я не справлюсь. Будто бы читаешь хорошую книгу и заранее знаешь конец. А сейчас, уступая потребности глаза в шири и сини, я смотрю на бухту.

Дилан успевает всё подготовить, пока я придавалась воспоминаниям, и торопит меня побыстрее сесть. Спустя несколько минут солнце почти полностью опускается за горизонт. Облака обесцвечиваются зигзагами вместе с нашим вином в бокалах; капля на травинке переливается, словно падающая комета в тёмную ночь.

– Грейс, я могу у тебя кое-что спросить? – прерывает тишину Дилан.

– Конечно.

– У тебя с Зедом всё в полном порядке?

Он продолжает непоколебимо смотреть на меня, держа в

правой руке бокал и неспешно попивая напиток. Думаю, ответить ли ему прямо или солгать. Собравшись с духом и готовясь сделать, возможно, главную ошибку дня, я отвечаю:

– На самом деле последние три месяца он стал очень ревнив; после нашего с тобой завтрака мы с ним так сильно поспорились, что помирились лишь наутро после обнаружения тела Виктории. Зед так пренебрегает моими чувствами.

– Ты не боишься его? – неожиданно спросил он.

– С чего это я вдруг должна бояться Зеда?

– С того, что он тебя ограничивает. Вам и поговорить не о чем. В паре оба должны развиваться, а в вашем союзе я этого не вижу.

Щиплет в глазах. Песня сменяется, и я отпиваю из бокала, оставляя его реплику без ответа. Я устремляю взгляд на траву возле ног, но всё же замечаю его тоску; вскоре он неожиданно произносит:

– Знаешь, что мне в тебе понравилось за недолгое время нашего знакомства? – Я поднимаю глаза и еле заметно отрицательно качаю головой, но Дилан замечает этот жест и продолжает предельно правдиво: – В душе ты хрупкая, но можешь дать отпор. Я это сразу понял по рассказам нашей любимой Али. Ты – человек с колоссальной энергией внутри. Если не выплескивать ее, а оставлять внутри, то сгниешь в ненависти. – Дилан замолкает на мгновение, но уже вполголоса добавляет: – Поговорить с Зедом? Не уверен, поможет ли, я не знаком с ним так долго, как ты, Грейс. Но здесь твой

союзник – решительность и отсутствие сожалений.

На самую малую долю секунды всё отходит на второй план. Что он подразумевает? Но вот Дилан неожиданно встает, поставив свой бокал на землю, и протягивает мне руку.

– Потанцуем? Забудь о Зеде, о проблемах хоть на один вечер.

Гляжу на Дилана растерянно. Не знаю, стоит ли. Но внутри меня еле слышимый голос нашёптывает. Нет, Грейс, голос ведь, по правде, кричит. Он доносит до тебя истину: ты сама хочешь этого. Вижу, как уголок губ Дилана чуть вздрагивает от того, что я всё ещё сижу и обдумываю предложение. Беру Дилана за руку, приняв приглашение. Его кожа тёплая, а решительные пальцы ни капли не дрожат; да и музыка переменилась – играет «Fooled around and Fell In Love», такая звучная и глубокая, веющая долгожданным спокойствием. Дилан вновь подходит ко мне, неожиданно и уверенно протягивая руку.

– Ты хочешь увидеть, как я танцую?

– Да, – лишь кратко отвечает он. – Отвлекись ненадолго. Или же хочешь заставить меня молить?

Теперь уж ребячество позволительно нам обоим. Пристаю, и Дилан осторожно, держась за мою кисть, немного отходит. Поворачиваюсь, оказываюсь прямо напротив. Скольжу рукой по его плечу; всё такая же горячая кожа, какую я помню с прошлых встреч, а грудь поднимается и опускается с каждым быстрым вдохом и выдохом.

– Знаешь, как отцы учат маленьких детей танцевать? – начинает Дилан и берет меня за обе руки. – Они ставят их ноги на свои, – продолжает он и слегка приподнимает кисти, показывая жестом, чтобы я встала на его ноги, – и начинают сами танцевать, а дети повторяют движения.

Держусь за его крепкие руки и стою на его ногах. Я могла бы, и сама танцевать, но мне нравится этот вариант. Смотрю в карие глаза, а Дилан – в мои. Он начинает двигаться в такт музыке, делая шаг и разворачиваясь на месте. Со мной получается немного нелепо; это смешит. Дилан вновь делает шаг назад, и мы опять разворачиваемся; ему будто удалось приблизить меня к себе, заставив больше доверять, усиливая доверие к другу Алиши. Небывалая теплота обстановки окутывает; к черту мои переживания и всё остальное, я желаю запомнить этот момент.

Дилан Барнетт

– Прости меня, – шепчет она, слегка отстраняясь от моей груди.

– За что? – уточняю я.

Но вместо ответа Грейс лишь увеличивает расстояние между нами и отходит, танцуя, множеством игривых оборотов на месте. Робкая улыбка так идёт ей, а моё сознание рвётся надвое. Первый лагерь так и кричит, вместе с бурлящей кровью ещё с первой секунды, как она только явилась, вовсе не отпускать Грейс ближайшие часы... А второй уговаривает оттолкнуть и не губить всё в очередной раз.

Не могу оторвать от неё глаз; она двигается так феноменально. «Не останавливайся», – еле слышно шепчу я, но до неё, слава богу, слова не доходят. И под этими огнями, когда уже и негде спрятаться, Грейс подходит ближе вновь. Я не могу перестать ощущать это, просто продолжаю танцевать, ведь чувство въелось в самый скелет. Теперь мне не нужен ни повод, ни какой-то там контроль.

Грейс

Дилан позволяет мне столь по-детски, нелепо играть. Ощущаю его учащённое горячее дыхание своей кожей. Дилан вновь делает шаг назад, и мы опять разворачиваемся вместе.

– Слова прощения никогда не будут лишними, – выдыхаю я, наконец-то отвечая на его вопрос.

Намереваюсь снова облокотиться о знакомое плечо, как вся кожа покрывается мурашками. От излишней уверенности переплетаю наши пальцы наших. К чему стеснение, если рядом замер тот, кто впитывает каждый мой вздох? Последние секунды Дилан наблюдал с таким интересом, с таким упоением, затем утыкаясь в шею, в волосы. Дыханием он произвольно щекочет кожу. Его спокойствие и самоконтроль, кажется, дают сбой. Оттолкнуть? Нет, нет, хотя бы ещё немного. Такой пленительный момент. Дилан обвивает и поддерживает моё тело у талии, ещё сильнее стискивая и прижимая к своей груди. Губы Дилана касаются ключицы, и я не могу сдержать стона. Ощущаю чувственность поцелу-

ев, накрывающую его с головой. Никто так не целовал меня. Глаза наполнены... желанием?

– Грейс, – выдыхает он, сверкая карим цветом, а затем прижимается губами к моим. Он умел наполнить момент сложной красотой.

Это происходит наяву, он целует меня, и я отвечаю. Мягкотелая дура! Ты только что позволила ему... у тебя есть Зед! Разве есть? Конечно, есть. Отвратительно, Грейс! Десятки ужасных мыслей (в эти секунды я была магнитом для них) опять и опять проскакивают в моей голове за долю секунды. И только я хочу оттолкнуть Дилана от себя, только я желаю забыть о своём подлом поступке, как чувствую, что его тёплый язык касается моего, и я безвольно таю. То тепло, которого мне так не хватало, наполняет всё тело и душу. Это тепло также жизненно необходимо, как и настоящее физическое, исходящее от неведомого, выдуманного костра возле нас. Чувствую, что его тёплые руки поднимаются к моей шее. Порывисто вбираю воздух и ощущаю, как Дилан прикусывает мою губу. Тихий стон перетекает с языка на язык. В свою очередь запускаю пальцы в его волосы, сладко потягивая у самых корней. Господь, наш мистический союз, свободный от морали, заполняет всё пространство леса вокруг. Но я не могу. Я не могу целовать Дилана, находясь в отношениях с Зедом! Как бы меня ни влекло, какие бы эмоции, чувства ни снисходили на меня лично, так нельзя.

– Дилан, остановись...

Получается слишком мягко, слишком тихо. Я несильно отталкиваю его тело своими руками на уровне живота, и наконец Дилан отпускает мою шею;

– Грейс, прости, я... мне не стоило этого делать, – шепчет он, и меня комом накрывает чувство вины, неприязни к самой себе и к своей слабости.

Солнце село полностью, окончательно и бесповоротно, но огни города вместе с деспотичной луной дают достаточное количество света для нас.

– Хочешь, можем уехать сейчас?

– Лучшая идея за месяц.

Он собирает вещи, и через минуту мы уже почти у машины. Всё это время Дилан пытается как-то начать разговор, но его попытки не увенчиваются успехом. Хруст гравия под колёсами нагоняет тревогу. Хотя дело не в гравии.

– Грейс, мне правда очень жаль. Я пойму, если ты захочешь отстраниться от меня, – нежно начинает он, разрывая молчание.

– Нет, Дилан. Я сама в этом виновата. Давай просто забудем об этом происшествии. Мы должны были просто встретиться как друзья. Но это же всего один поцелуй. Он ничего не значит, – лгу я.

– Хорошо, забудем. И правда, это лишь один поцелуй.

Мы вновь замолкаем на несколько мгновений. Воздух вибрирует. За окном темно, я смотрю на проезжающие машины, как вдруг слышу его слова:

– Грейс, большинство людей здесь примитивно. Вы с Али – нет. Пусть в городе множество студентов, но всё это не то. Не вы. Они всю жизнь меряют ногами лишь одну дорогу. И не отталкивай меня за одну ошибку. Надо прощать людей за то, что они не идеальны.

Словно что-то резкое бросали в лицо.

– Ты говоришь, что мне надо делать, а что нет?

– Я не указываю, а направляю. Нет, твоя воля. Я забыл только сказать. Мне стоило это сделать, когда мы ехали туда. У меня для тебя кое-что есть. Посмотри на заднее сидение.

Я гляжу на него. Дилан всё также легко ведёт машину, выкручивая руль и барабаня пальцами от нервов в такт тихо играющей музыке. На заднем сидении покоится громадный букет восхитительных белых розы.

– Дилан!

– Ты можешь говорить со мной обо всем, что связано с Тэдом.

Услышав имя отца, я быстро оборачиваюсь. В глазах щиплет, и наверняка будет надрываться голос, но я спрашиваю:

– Откуда ты знаешь его имя?

Дилан замолкает, видимо, не зная, что и ответить, а я продолжаю:

– Хотя нет, Дилан. Это абсолютно неважно. Какого черта ты так свободно говоришь о моем отце?! Не смей называть его таким образом, будто бы он тебе давний друг.

– Грейс. Я... прости. Я знаю, что это большая тема для

тебя. – Архаический оттенок звучит в голосе Дилана, но его движения обретают твёрдость.

– Не надо. Всё. Останови машину. Как же я глупа. Целую незнакомца, пока пытаюсь...

– Я тебе не незнакомец! – перебивает Дилан злобно. Вот это он подкинул фразу для анализа на досуге.

– А кто же?!

– Я... Да, ты права.

– Белые розы мне всегда дарил отец.

Он останавливает машину около университета, который мы проезжали. По одну сторону виднеются огни нашего городка, а по другую – фонари кампуса. Дилан оборачивается и окидывает взглядом тёмные окрестности за пределами машины. Дилан улыбается и возвращается глазами ко мне; карий цвет.

– Да, я знаю... Позволь довезти тебя до дома. Я не успокоюсь, пока не буду знать, что ты в безопасности, – шепчет он еле слышно, и внутри от хриплости его низкого голоса всё сжимается.

Он опять наступает на старые грабли, поднося свою руку к моему лицу и заправляя одну прядь волос за ухо. Отстраняюсь, и в его глазах читается боль.

– Нет, Дилан. Это нужно закончить. В конце концов, ты друг Алише.

Звёздная Ночь

Равнодушие не причиняет столько боли, сколько любовь.

Жан Поль Сартр однажды сказал: «Ад – это другие».

Глава 3

Грейс

От сердца захлопнув дверцу машины, я едва из кожи не выскакиваю, пока бегу к родному дому, не жалея себя, своих сил, ступней и сердца. Я не боюсь теней, но в моей груди до этого начинавшие заливаться рядом с Диланом птицы попадали мёртвыми тушками. Так и не сплю я всю ночь. В тумане восходящее солнце приобрело странный вид существа мыслящего, одухотворённого. Такой подлый и гнусный поступок;

Дилан Барнетт

Осколки стекла под ногами. Я разбил о стену несколько стаканов для виски. Так странно... привёз я их из Франции ещё очень давно, и теперь вот такой конец им настал. Но Грейс не знает ничего о происходящем, ни капли. Даже если бы кто-то знал о моих истинных чувствах, это не пролило бы свет на картину в целом. Даже половина ещё не пройдена. Я ощущаю, что мои внутренности гниют. Лёгкие переместились куда-то в горло, а селезёнка – на место сердца. Галлюцинации... галлюцинации... галлюцинации...

Грейс

Минули вечера. Девятый день после смерти Виктории я провела вместе с семьёй, и вскоре направилась к Алише. День близится к вечеру. Дивное поле поздних цветов мака

располагается около дома моей лучшей подруги на гористой местности. Я бегу к самому краю поляны вместе с младшей сестрой Али – Прим ; кузнечики заливаются мелодией. Бежево-голубое небо, крохотное солнце окружено лёгкой му-тью. Моя семья уже уехала обратно в Портленд. Так даже лучше; слишком долгое их присутствие стало сказываться на всех. Несмотря на вечернюю прохладу, нестерпимо душно. С Диланом я не виделась ни разу; уже ослабело влияние прошедших событий. Я рада лишь тому, что мне хватило разума оттолкнуть его. Останавливаюсь на месте, глаза малытки кажутся фиолетовыми; она, как и любая двенадцатилетняя девочка, мечтает о путешествиях (желает жить на Марсе). Мы переводим дыхание от воображаемого полёта.

Мне нравится быть с младшими; дети другие, и, скажу честно, я всё бы отдала, чтобы вернуть себе подобное состояние ума. Силуэт Алиши виднеется в просторном дворе её дома. Совсем скоро окажусь рядом с ней, осталось расстояние с половину футбольного поля. Али, конечно же, ничего не знает о Дилане и мне. Понятное дело! Она ведь с ума сойдёт, если узнает об измене. Вновь отворачиваюсь, вдыхая августовский запах Орегона. Всё увиденное меня восхищало: деревья, птицы, вечернее небо, снижающиеся грачи.

Стою на кухне Али, работая острым ножом для резки яблок, и как будто до сих пор ощущаю, как Дилан стонет моё имя; прерывает игру наших губ; мягко прижимает моё тело к себе. Но вдруг лёгкие оттенки боли всё затмевают. Виднеет-

ся кровь. Одна капля стекает ниже по коже, а пальцы растирают по подушечке оставшуюся красноту. Неважно это во все – лишь одна царапина, лишь один поцелуй. Намереваюсь отрицать всё до конца жизни, кто бы ни спросил. Снова прятаться, убегать. Доносится дверной звонок, все гости в сборе. Киновечер Алиши начинается; её сестра садится около меня, кладёт голову на колени (в такие секунды отчётливее осознаешь степень ответственности). Играет старый черно-белый фильм о восставших мертвецах, один из самых первых представителей жанра. Все устроились в просторной гостиной дома; над диваном, над нашими спинами висит животворящий крест, а я устроилась возле Зеда (он исчез на время похорон, а у меня уже нет сил на споры; лишь долгожданный мир); разноцветные орнаменты штор словно оживают.

Дилан Барннетт

Изумление и пытливость сменились на неясную тревогу. Если заботливая Грейс и здесь, то нужно продолжать держаться самоотверженно. Есть вещи дороже, чем чувства. Гораздо важнее, чем моя жизнь и мои желания. Перевожу взгляд... и опять этот дьявол крутится возле. Чувство ирреальности... бескрайнее пространство, слепящий свет от луны и отшлифованность, гладкость материи... невероятная тревога...

Грейс

Неожиданно для меня в проходе показывается Дилан; он останавливается и осматривает комнату, покрытую мраком.

Зед одаривает его гневным взглядом и тяжело вздыхает, но продолжает хранить гробовое молчание, пусть с ощутимым недовольством.

– Кто этот парень? – спрашивает смуглая Примула.

– Приятель твоей сестры – Дилан Барнетт. Она недавно помогла ему переехать к нам из Англии.

Прим даже ухом не повела. Она тут же выдала то, что слышала раньше:

– Моя мама считает, что нельзя летать самолётами. Ими мы тревожим господ.

Мы замолкаем в темноте комнаты. Дилан улыбается рядом с Алексом, притягивая всеобщее внимание (прелестнейший из злодеев). Украдкой ловлю взгляд карих глаз и вздрагиваю всем телом, разворачиваясь в другую сторону.

Звёздная Ночь

Теперь лицо, которое Ночь видела в зеркале, перестало быть лицом незнакомки, а стало её собственным, и она сказала: тебе это нравится. Запомни это хорошенько. Ты прошла через многое вместе с ним, плечо о плечо, через моря, рыбацкие сети, двух сыновей, бесконечную вереницу переездов и видоизменений мировоззрений (скептик, циник, наивный дурак с приятельницей-дурой в пригороде Манчестера).

Грейс

Все запланированные фильмы просмотрены, а мои друзья выбегают из дома к озеру. Ночь. Каждый сбрасывает одежду,

ныряя один за другим в воду. Присоединяюсь к процессии, я остаюсь лишь в длинной футболке Зеда (мой блондин за-снул на сеансе, но, а сейчас выглядит бодрым в темной воде). Примула уже в озере вместе с Логаном. Ну, давай же, Грейс! Вдыхаю и делаю первые быстрые уверенные шаги, переходящие в бег. Ненавижу заходить в воду постепенно, гораздо лучше одним забегом. Температура гораздо выше, чем я думала; под ногами мелкие скользкие камни. Вода уже доходит мне до колен, и я пробегаю мимо Алекса, приближаясь к Зеду. Блондин внезапно выставляет свою руку и хватает меня за талию. Я останавливаюсь, но не успеваю опомниться, лишь только со смехом плюхаюсь в воду всем телом.

– Прости, я не испортил тебе причёску? – издевается он.

Зед неспешно отплывает вглубь озера; смотрит на мокрую от купания меня с таким любопытством. Какие кардинальные перемены в его настроении! Но мне это нравится.

– Берегись, Зед! – вскрикиваю я и бросаюсь в его сторону.

Мы продолжаем игры с водой, но вот Зед осторожно обнимает меня, а я опираюсь о его грудь и живот своей спиной; отплываем чуть дальше вместе, ощущаем голую кожу друг друга. Сестра Али уходит хлопотать на кухню.

Дилан Барнетт

Глубоко вдыхаю и припадаю к земле у корней клёна возле этого озера – в моих движениях какая-то – заслуженное слово – страстность, пусть в моей крови и нет ни единого процента итальянской или испанской крови. Мне нравится в

быстротечности лета чувствовать под собою земной хребет, за каковой сейчас я принимаю твёрдый корень; неважно, что конкретно, лишь бы твёрдое, потому что вечно падаешь ты в пропасть собственного сознания, пусть и глушишь выпивкой, но всё окружающее не в зоне твоей досягаемости.

«Я не желаю купаться; я желаю поговорить с Грейс», – думал я. Слышатся крики и смех; теперь уже лунный свет отражается дорожкой, а мой взгляд захватывает упоительная сценка. Но в этой темени глаза обнаруживают силуэт Зедда рядом. Выродок чёртов. Его длинная футболка на теле Грейс; ткань перекрывает обычно еле заметные белые шрамы внизу её живота. Не то чтоб её внешность бросалась в глаза; не очень красивая даже; ничего в ней особенного; и не скажет она ничего такого уж умного; просто это она; она есть она. Чушь! Она красивая. Странная. Весёлая. Ненасытная. Да, она пленительная. Непостижимая. Боже, она идеальна. Это раздражает. Очень. У неё дар, чисто женский дар создавать вокруг себя свой собственный мир, где бы она ни оказалась.

Грейс

– Ты идёшь обратно в дом? – спрашиваю я, подходя к Дилану.

Нервный комок встаёт в горле, желудок сжимается. Моя футболка отяжелела, а влажные пряди спускаются по обёрнутым тканью плечам. Все уже убежали внутрь от холода; лишь одна я, такая глупая, осталась. Весь вечер Дилан был

мрачным; от былой теплоты ко мне не осталось ни следа, хотя бы подобия. Сейчас Дилан так выморочно твёрд и холоден, что мне непонятно, как он совсем недавно мог быть таким милым, таким тёплым. О его надёжности я пока не буду заикаться – не имею права.

– Сперва скажи мне истинную причину твоего присутствия здесь, – выдыхает он, вставая возле.

Мне показалось чуть ли не ребячеством по отношению к себе, к самому Дилану сейчас сказать неправду. Если мы хотим наладить отношения, то лучше быть правдивым. Орнаменты на его коже переливаются, словно подсвечиваясь от луны, как жаркий огонь от факела. Он словно стал ещё выше. Впервые с той недели мы остались наедине. И само присутствие Дилана рядом отдаёт нашим танцем, бессонной тягучей ночью в полицейском участке, известиями о Виктории в доме Зеда, поцелуем.

– За мной будто следит одна женщина, – выдыхаю я, признавая правду и задирая голову вверх, к небу.

Глаза Дилана округляются; повисает пауза, и слышатся перешёптывания леса. Это уже не обычная тревога, это настоящий страх – страх, который все мы ощущаем перед лицом угрозы, несчастья.

– Сколько раз ты видела её? – уточняет он с беспокойством в голосе.

– Всего два.

– Когда впервые?

– В день нашего знакомства.

– Кому ты говорила?

– Алише.

– А полиции? – спросил.

– Не вижу смысла.

– Небезосновательно. Зед? – У Барнетта на секунду мелькнула вольтеровская улыбка.

– Говорила только Алише.

Дилан запускает пальцы в волосы. Сколько я знаю этого странного человека, Дилана Барнетта, он всегда, когда нервничает, поправляет волосы.

– Грейс, просто скажи мне сразу, как она вновь появится, ладно? Особенно если я буду где-то рядом. – Вот теперь он изменился в очередной раз; перешёл к заботе и насторожённости.

– Я могу просто пойти в полицию.

– И будет то же самое, что и с Викторией? Следы были обнаружены даже при вскрытии, но всем же плевать. Гораздо проще замять дело, чем расследовать по-настоящему, особенно с таким удобным способом убийства, – Дилан говорит с таким пылом, а его глаза сверкают.

Соглашаюсь с вполне разумным предположением. Вновь в нём радикальная перемена! Опасения настигли Дилана, затмевая отдалённость и чёрствость. Темные пряди его волос чернеют в ночи; Дилан впервые переводит взгляд куда-то вверх, за крону дерева позади моей спины, где прячутся пти-

цы в ветвях. Но необходимо признать – в тот вечер я была как Элизабет, танцующая с мистером Дарси. А когда наши руки соприкасались... Дилан должен был почувствовать нечто флюидное. Во время танца он уставился на меня, и кажется, что ему было тяжело меня оттолкнуть.

– После того как ты приехал, всё идёт совершенно не так, как оно должно идти, – высказалась я.

– Прости, что пришёл и испортил твою жизнь, будучи тебе совершенно чужим и малопонятным. – Ощущаю его лихорадочность, даже не прикасаясь к телу Дилана.

– Мне жаль, что ты такой идиот, – неожиданно выпаливаю я.

– Господи, как с тобой сложно. – Дилан обводит глазами пейзаж позади моей спины, держась рукой за шею.

Я знаю, малыш. Чувствую, что-то зреет по отношению к тебе в моей крови, тканях, в самом скелете. Не верю самой себе, что сильнее кутаюсь, только чтобы согреться, и закрываю веки, сосредоточиваясь на дыхании и своих чувствах.

Но ведь это правда. Каждый раз, как Дилан касается меня, дыхание слегка перехватывает. На свиданиях с другими парнями, мужчинами этого не было, даже в самый разгар флирта. А с Зедом уж точно. И мне не следует желать этих касаний, но всё равно желаю. Его частое дыхание; Дилан в нескольких шагах. Будто парализованная, продолжаю стоять на месте, и теперь уже внутри меня происходит борьба, какую я чувствовала в нем ещё совсем недавно. Трезвая сто-

рона кричит, что всё это ужасно. Не думай о таком, дура! Поднимаю взгляд, и меня будто бы током ударяет. Нас обоих. Мы были барометрами друг другу; ощущали температуры эмоций друг друга, когда были рядом. В эту секунду первобытный порыв подвигнул меня к действию, и я целую его первой.

Дилан Барннетт

Я знаю от Алиши, которая, в свою очередь, знает это от Зеда, что Грейс успокаивается, когда ей кладут руку между лопатками, и лишь сильнее загорается, если ладонь обвивает её шею под волосами. В такие моменты я думаю сердцем, которое будто наполнили тугие влюблённые ветры. Грейс нужно быть мудрее и понять, что ей одной проблемой меньше без меня. Испытывая суеверный страх, я, чертыхаясь и не ожидая от себя самого такой силы, прикусываю её нижнюю губу в ответ.

Грейс дрожит; она дрожит не только от холода, который терпит так мужественно, лишь бы прийти к долгожданному завершению разговора, но ещё из-за обстоятельств её жизни. Она дрожит, как дрожит нищий паралитик, но наслаждается; наконец загорается, когда моя рука оказывается под её влажными прядями.

Грейс

– Кажется, стало только сложнее, – шепчу я в его мягкую улыбку.

Возбуждение Дилана тяготит. Его губы неспешно касают-

ся моего подбородка. Ноги перестают подчиняться; он вновь меня держит, чтобы я не упала. Руки кладу ему на грудь, а Дилан продолжает осыпать меня поцелуями. Цепочкой по скуле, по подбородку, около губ, но не в них. Дилан целует меня в шею, где-то под ухом, и я не могу сдержать стона, заставляющего его целовать туда ещё раз, на этот раз прикусывая и посасывая кожу, а я провожу ладонью по его спине, ощущая под тканью мышцы, лопатки.

– Мне нравится твой аромат, такой приятный вкус губ. Господи, я пьянею, – стонет он, и мои руки оказываются на его плечах.

Но из чар друг друга нас выводит неожиданно открывающаяся дверь. Али и Алекс с громким смехом выбегают на улицу, а мы отлетаем друг от друга со скоростью света.

– Вы оба ещё не замёрзли здесь?! – вопрошает Али.

– Нет! – кричит Дилан в ответ; такая очаровательная улыбка, всё ещё ощущаю лёгкую щекочущую дрожь на губах. Частое его дыхание оглашает вечер, а пар клубится к небу.

– Нам пора, – шепчу я, когда он оборачивается обратно.

– Как жаль, – так же шепчет Дилан вполголоса, чтобы другие не услышали.

– Помнится мне, ты сказал недавно, – говорю я, а Дилан продолжает всё так же изучать меня взглядом, насильно поджигая затушенное пламя, – что ты не хотел того поцелуя, что ты вышел из себя и...

– Мы нагло солгали друг другу в лицо, – он ничего и не от-

рицает; не даёт мне договорить. – Странно, каких только путей мы ни выбираем, чтобы скрыть свои истинные чувства.

Проскальзываю мимо Дилана, постепенно выходя из-под богатой кроны дерева. Винный дух в доме дурманит; Алекс приглашает Дилана выкурить очередную сигарету, и они скрываются на улице. Зед наклоняется, обнимает меня за талию и целует, что удивительно, ведь он давно этого не делал. Я, на мгновение замешкавшись, отвечаю на его поцелуй нежно и осторожно, будто боясь коснуться губ. Когда оказываешься за пределами своего мирка, всё вокруг кажется опасным. В моей голове пролетает вопрос: когда я стала той, кто целуется сразу с двумя одновременно?

– Пойдёшь со мной к Али? – предложил он, и я соглашаюсь.

А маковое поле всё переливается в ночи, тихо посмеиваясь над нами.

Звёздная Ночь

Человек – невероятно суетное существо, неизменное в своём непостоянстве. А что Ночь может поделать? Её руки и ноги пока связаны по швам; время ещё не настало. Ее Людус обернется в Агапэ.

Грейс

Пью полусухое вино. Ощущаю терпкость на языке, постепенно разливающийся румянец на щеках, переходящий на шею, и глаза Зеда. Они устремлены на меня, такие выразительные и вопрошающие. Вкус вина отдаёт отчаянием.

Определённо. Ты пьёшь раскаяние, и оно покидает тебя. Закрываю глаза и концентрируюсь на дыхании, на очень тихой музыке, играющей по радио, на восхитительном запахе кофе и звуке дождя за окном, граничащего с ливнем. Я уже привыкла к шуму дождя, он стал новым сортом тишины. Еще один, к кому я быстро загорелась желанием. Флирт; флирт – замирание сердца. Одни глупости! Кэррол всегда считала меня ребеночком, ни к чему не пригодной дурой.

Всю ночь я провела с Али, когда остальные уже разъехались. Такая близкая подруга; даже не знаю, что было бы, если бы я её когда-нибудь потеряла. Алиша всегда прячет свои чувства внутри. Наутро мы ели клубничное мороженое.

Глава 4

С Зедом под руку под малиновым светом мы опускаемся ниже по фестивальной площади в последний августовский вечер. Карусель, обзорное колесо и море палаток с кухней разных стран привлекают внимание. Все блуждают из стороны в сторону, просяживая деньги. От палаток несёт языческими благовониями и ароматом трав, сорванных в Греции на лугах. А я думаю о Зеде: он был моим первым парнем; ради него я сбегала из дома. Он говорил, что я красива и умна. Говорил, что скучает и даже любит. Он был первым парнем, давшим мне уверенность в себе, и, возможно, именно благодаря ему я превратилась в ту, кем являюсь. С ним мы были королём и королевой выпускного... а теперь, оглядываясь на прошлое, я понимаю, что именно после того бального вечера всё пошло как-то по-иному. Но сегодня мы с ним оттоптали все ноги и чуть не сорвали голос от смеха и крика. Какое долгожданное единение.

– Прости, что веду себя как синантроп порой, – то ли застонал, то ли вздохнул Зед на прощание у моего дома. – Больше всего я хочу прийти к тебе и лечь рядом. И знать, что у нас есть завтра, – сказал он как поэт, хотя в жизни не читал ни единой поэтической строчки.

Просто очаровательно!

Звёздная Ночь

Если мы принимаем человека таким, каков он есть, мы портим его. Если мы считаем его таким, каким мы бы хотели его видеть, то мы даём ему возможность стать тем, кем он способен быть.

Грейс

Завершается летний сезон, и осень вступает в свои законные права; начинается учёба, и ко мне вновь приезжает семья. В злополучную ночь я почти не сплю, для успокоения общаюсь со всеми своими друзьями. Но вот наутро я уже слышу шум открывающихся и захлопывающихся шкафов и одеваю (любимое жёлтое платье в горошек, достигающее до колен и обтягивающее бёдра, жемчужные серьги и браслет, обычные стрелки на глазах, а волосы – в опрятной кичке); слышу в свою сторону слова:

– Как славно, Грейси. Ты прекрасно выглядишь, – подаёт голос Кэррол; в нем звенит металлическая, холодная нота.

Затем доносятся слова в мою сторону:

– Студентка, ты готова к новому учебному году? – спрашивает Зед с безупречной улыбкой.

Зед одет официально. Огни городка, пристани за автомобильным окном, огни судов на воде кажутся призрачной сетью, огораживающей место кораблекрушения. А затонувшее судно – словно прошлое. Даниэль, мой ментор, встречает нас у университета (он весьма плотно общается с моими родными). Стоим напротив сцены с выступающими. Logan и Али рядом. Помнится мне, в последний раз я была у парка кам-

пуса вместе с Диланом, когда мы ехали обратно после проводов заката. В тот вечер он назвал моего отца по имени, будто они давние друзья! Ладно, забыли об этом, королева. Иди к чёртовой матери, Дилан. Кстати, говоря о нем, – Дилан виднеется сбоку от основной толпы, ладонью он прикрывает пламя и закуривает.

– Грейс, нашла что-то интересное? – отрывает меня Зед.

– Что может быть интересней учебной программы и речей о возлагаемых на нас надеждах? – отвечаю я добро.

Его взволнованность проходит, и Зед, поворачивая моё тело к себе, целует меня. Как давно он этого не делал!.. Самый обычный, осторожный и бережный поцелуй. Во мне вновь разливается тепло, когда ощущаю его губы, но это не тот огонь, который я чувствую с Диланом. Зед клялся мне перед моей матерью в том, что больше он не будет холоден и не будет ревнив, что он больше не будет закатывать ссор, и, как можно заметить, обещание он своё сдерживает. Обнимая меня в огромной толпе и целуя, он будто бы защищает меня от всего мира вокруг. И мне нравится такой Зед – заботливый, как мое временное увлечение.

Дилан Барннетт

Она легко превращается, переходит от одного настроения к другому. Грейси (Грейси, а вовсе не Грейс. Если бы она поняла мою значимость в её судьбе, не меньшую, чем её отца, то позволила бы мне так её называть даже сейчас) стоит, спокойная и прекрасная. И я вспоминаю, что могу сделать

для неё и против неё. Что могу заставить её почувствовать своими словами и руками.

Звёздная Ночь

Ночь прошла и огонь, и воду, и лёд с виски в барах, и тысячи километров под званием полковника армии, и многое, многое другое. И что она только ни ощущала, что ни испытывала и ни пробовала за эту никчёмную жизнь, за все многие годы, но подобный трепет рождался в её сердце лишь иногда, очень-очень редко, по ощущению, раз в один век. Она знает, что благодаря своим страданиям и своей хитрой на выдумки судьбе она приобрела мудрость. Ночь выделялась из общего контекста вновь и вновь, снова и снова меняя место жительства. Но каковы будут её страдания, какой силой они будут обладать, если произошедшее из раза в раз случится вновь?

Грейс

В этом итальянском заведении, куда Кэррол пригласила Даниэля, я была однажды ещё совсем маленькой девочкой. Пообедав и познакомив наконец Зеда лично с Даниэлем, мы едем домой. Глядя сквозь стекло и не участвуя в оживлённом разговоре Зеда с моим отчимом, я думаю, что было бы, если бы Дилан сейчас вёл эту машину. Зед всегда отличался от остальных тем, что легко ладил с Кэррол. К вечеру я оказалась в его доме, который заиграл новыми красками после гибели Виктории. Мама моего хорошего друга и молодого человека (неоспоримо прелестнейшая женщина в этом городке) сообщает нам, что ужин вскоре будет подан. Когда

я переступаю порог комнаты Зеда, неожиданно осознаю, что дело близится к завершению дня. Зед, не говоря ни слова, проходит вглубь комнаты и садится за рабочий стол, начиная суетливо перебирать огромную стопку документов, расписаний и таблиц.

– Такой ответственный, – ухмыляюсь я и ложусь на кровать, глядя на него.

– Да, я хочу быть готов ко всему, – отвечает Зед, не поворачиваясь в мою сторону.

Именно непонятное строение ума Зеда воодушевляет; он мог бы держать весь мир, а я целиком бы ему вверялась. Если закрыть глаза даже на мгновение, на мгновение зажмуриться, как ребёнок, лицом в подушку, то можно запросто представить картину: пейзаж перемен и надёжности под его покровительством.

– Я бы изучила всё по дороге, – шепчу я и встаю возле, кладя руки на плечи Зеда и читая документ между его пальцев. Да, он больше занят политикой и наукой, чем людьми. – Ты ко всему уже готов. Просто оторвись от дел и побудь немного со мной, – почти умоляю я.

– Ну, ладно, уговорила, – отвечает Зед, и я по-детски радуюсь. – Фильма вполне хватит.

Два часа мы проводим вместе на диване; Зед легко обнимает меня за плечи.

– Зед, поцелуй меня.

Боже! Я голодна, как стервятник, жаждущий плоти, па-

рящий над естественными природными красотами Африки. Черты Зеда, монументального в убывающем свете, погружённого в себя, всё это время меняются. Я должна знать, должна знать, что смогу ощущать с Зедом подобное тому, что с Диланом. В комнате темно, но я вижу, что Зед удивлён.

Вот он наклоняется и целует неспешно. Очень бережно и мягко, так что я почти не чувствую его губ. Я, немного подтянувшись, перекидываю ногу и залезаю к нему на колени. Решение о собственноручном контроле над ситуацией приходит само по себе; кладу руки ему на живот и целую сильнее, более требовательно, я лишь хочу, чтобы Зед касался моих рук так же, как когда-то, в самом начале; чтобы он повторил, что счастлив быть со мной. Хочу, чтобы он уверил меня, что тоже хочет этого, но в ответ – очередная отговорка, и его мать зовёт нас к ужину.

– Я люблю тебя, Грейс. Просто знай это.

– Я знаю.

Уже тогда, на подсознательном уровне я чувствовала, что это ложь, а когда к ночи оказалась дома, то первое, что я сделала, с удовольствием прочла сообщение Дилана: «Не ложись спать так рано! Я заберу тебя на этот вечер». Оказывается, сегодня лунное затмение, поэтому к ночи мы приехали в центр города на крышу кинотеатра. С западной стороны небосклон погружён в синеву и видна торжественная медово-красная луна; она деспотично захватила в свои владения небеса. Свет падает, создавая потрясающий эффект.

Глава 5

Грейс

Дилан ставит свой мольберт и приступает к работе, а когда заканчивает картину пожилой женщины через несколько часов, он недовольно вздыхает. Я опускаю листки со своим репликами.

– Неудачная работа?

– Вполне коммерчески успешная. Но мне не нравится сама задумка. Думаю, откажусь от этого заказа.

– Как считаешь нужным. Скажи, почему ты переехал?

– Чопорность моей нации хороша, но то ли хотелось попробовать вашей западной свободы духа, то ли изменить точку зрения.

– Я тебя умоляю, свобода духа повсюду. Сальвадор Дали испанец. А когда он приехал в Нью-Йорк в 1934 году, в качестве аксессуара он нес в руках батон хлеба длиной 2 метра, а посещая выставку сюрреалистического творчества в Лондоне оделся в костюм водолаза.

– То же верно. Это скорее зависит от человека. Его свобода. Значит, мне просто нужно было вдохновение, – красноречиво отвечает он. – Были некоторые причины, королева. – А Дилан любит пресекать любые вопросы о себе у самого корня! Чувствую, что Дилан – лучший психолог, которого я могла встретить в жизни. – Али была права на счет тебя.

– И что же она говорила?

– Она часто нечаянно бросала фразы о тебе. И у меня сформировалось о тебе чёткое представление, – говорит он, и я сама улыбаюсь от ласкающих слух слов. – Я очень хотел познакомиться с тобой ближе, но когда впервые увидел на выставке, понял, что этого мне не хватит, – в голосе задрожала счастливая нотка. – Не подумай, что я пытаюсь воспользоваться тобой. Я не хочу пугать тебя поспешностью своих поступков.

– А почему тогда ты тратишь время на биологическом факультете, если и так открыл по выставке на каждом континенте?

– Для общего образования. Я вольный слушатель. К тому же я очень любопытен до знаний. Одиннадцать часов и сорок одна минута. Посмотри на луну, – он поднимает руку, указывая куда-то ввысь. – Вон там, ты видишь?

«Ты не так прост, сукин сын!» – почти выпаливаю я. Одинокая машина проезжает по дороге; так много указательных знаков и проводов над землёй; вдалеке маяк на стеклянных скалах.

Дилан Барннетт

Я решил перестать бороться, ведь все мои усилия напрасны. Говорю твёрдо, хотя и смеюсь. Мне нравятся ненавязчивые ласки Грейс, как она гладит мои руки, затем прикусывая кончики моих пальцев. Вся улица была словно на ладони, а здания кажутся такими искусственными, отшлифованными,

гладкими. По крайней мере, я более не просыпаюсь с криком в ночи.

Грейс

Мы вместе сидим в автомобиле. Не смогли без подобно-го прощания; я сижу на его коленях и ненасытно зарываю свободную левую руку в его волосы, дабы крепко потянуть. Это заставляет Дилана целовать меня с ещё большим упоением, проводя губами, а затем языком, полностью закрывая мои губы и вновь открывая их. Чувствую одну его руку, проводящую по моим позвонкам и прижимающую поясницу к рулю. Поцелуй в губы – это всегда так лично, так интимно. А он делает это пленяюще. Делает так, что я мучаюсь от одной мысли об этом. Прижимаюсь губами к круглому шраму на его плече, слегка оттягивая ткань чёрной майки. Ресницы Дилана дрожат, подливая масла в огонь, и он порывисто вздыхает:

– Порви с Зедом, атеистишка. – Карие глубокие глаза и частое дыхание. Он отстраняется. – Сделай это, – шепчет он прямо перед поцелуем в губы.

– Что? – Я отстраняюсь и спиной вжимаюсь в холодный руль.

– Ты меня слышала! Порви с Зедом. – Ощущение, что Дилан съёс мне голову с плеч, как инквизитор – язычнице. – Нельзя страстных, творческих натур ограничивать в чувствах.

– Я не пойду на это. Я люблю его.

Он лишь нежно обнимает меня на прощание, скрывая своё частое дыхание и нетерпеливость, гнев.

– Разве любишь? Ты ведь сейчас со мной, малышка. Выводишь рисунки на коже, на шрамах, сидя на моих коленях.

Да, душою я уродлива; осуждайте меня! Так бывает: на террасе в лунном свете, когда один потребовал от другого принципиально невозможного, мы молчим и разглядываем луну, я ёрзаю, откашливаюсь. В конце Дилан огорчённо трёт переносицу, а я наклоняюсь вперёд, беру его за руку, притягиваю к себе, целую – и ощущаю его руку на своей щеке, мне удивительно хорошо и легко.

– Я тебя не знаю, Дилан. Я была бы сумасшедшей, если бы по первому требованию бросила Зеда, которого знаю всю жизнь.

Рядом с Зедом я чувствую себя как школьница; но я к нему очень привязана, знакомы целую вечность. (Я чувствую, что должна продолжать с Зедом отношения, что это правильно)

– Иди-ка к черту, Барнетт, – добавила я откровенно.

Спустя десятки воспоминаний я буду рассказывать маргариткам об этом романе; буду рассказывать, как всё началось: он меня поцеловал, потом ненароком оскорбил в машине. Мгновение, в котором он навсегда останется после смерти.

Глава 6

Грейс

Стою на темной кухне, все обитатели дома спят. Мать заметила, как парень (Дилан не понравился уже издалека, по одному силуэту) высадил меня у дома. Она не знает обстоятельств – у неё океан других забот. Я учусь жизни и справляюсь со всем сама. Здания городка посерели, темно. Никаких размышлений в моей голове нет вовсе; сонливость и меланхолия окутывают. Замечаю пачку сигарет на столешнице, зажигалку. Закурив, я облакачиваюсь о гладкую мраморную поверхность столешницы и смотрю в окно; никогда не пробовала до этого табак – жжение в глотке, а горький дым дошёл до самих лёгких. Мужественно терплю и спокойно выдыхаю проклятый дым. А лопасти вентилятора на потолке всё крутятся и крутятся, так неспешно и размеренно разгоняя густой смог. Я сажусь на пол, обняв колени, и курю. Наблюдаю за вращающимися лопастями и за тем, как всё ещё живая муха двигается по липкой ленте; и вот – смерть. Мне не по себе. Тушу красный огонёк о подошву. Хорошо, что тот ужас с Викторией в прошлом, уже две с половиной недели; просто отлично, что тот женский силуэт пропал. Надеюсь.

Дилан Барнетт

«Немного грубой силы... никогда не повредит», – говорю я сам себе, пока оглядываю получившуюся картину в мастерской. Но ведь это правда! Чуть ли не рычу. Это не сравнится с прежними мастерами! В этом городке так хорошо творить... вот почему я переехал. Но я всё ещё полное ни-

чтожество.

«Ты будешь счастлив...», – говорил я себе когда-то. Смешная ложь, а, читатель? Не жалея бранных слов, рву грунтованный холст и кидаю на пол. Мне ещё необходимо выполнить заказы (мои работы покупаются благодаря обаянию). Если бы мой безмозглый отец догадался откладывать деньги, а не мотаться вместе с маленьким мной по всей Британии, то все было бы проще. В этой ужасной атмосфере ночной боли молча прикусываю сигарету. Но я добьюсь своего рано или поздно, она это понимает? Что Грейс сейчас делает?

Грейс

Будильник звенит ранним утром. Я, собравшись и попросившись с Кэррол и Майком, отправляюсь на занятия пешком. Вот и наступила после нескольких одинаковых дней пятница – день встречи в студенческом сообществе, а Меделин – бестолковая девушка, сидящая в красном старомодном кабриолете 80-х годов. Она кричит и сигналит, когда наконец замечает меня.

– Ты чертовски выглядишь, Грейс! – вскрикивает она.

Меди больше всех на моём факультете пришлась мне по душе. Длинные рыжие волосы и светлая кожа так восхитительны; хлопковое кружевное платье, ярко-красная помада дополняет образ. Меделин можно назвать глупышкой: она подписала себе в моих глазах декларацию интеллектуальной импотенции своими нескончаемыми жалобами, что ей нече-

го делать.

Под заходящим солнцем мы вместе оказываемся у двухэтажной кирпичной постройки. В каждой комнате включён свет. Интересно, что за хаос происходит в них? Замечаю Джексона – первое знакомое лицо здесь. Он проводит нас сквозь громкую группку, состоящую из татуированных парней в чёрных одеждах. Несколько секунд ощущаю их взгляд на себе, но вот мы уже проходим вглубь двухуровневой комнаты, смешиваясь с толпой.

– Каков шанс, что я смогу сама познакомиться со всеми в этом помещении? – интересуюсь я у него со смехом.

– Минимальный, – улыбается Джексон.

– Минимальный – это, видимо, британский вариант фразы «Хрена с два у него есть какой шанс», – встревает Мэди и поправляет волосы одним лёгким движением руки, глядя в его глаза.

– Я австралиец.

– У вас королева на банкнотах – вы британцы, – настаивает Мэделин.

Пройдя в дверь, мы попадаем в огромную комнату с неоновым рыжим освещением. Две лестницы у стен, а между – балкон, выходящий на нижний ярус. Громкая музыка; недалеко стол для пинг-понга. Левее – три полностью забитых дивана и множество кресел вокруг. То и дело через арки заходят и выходят люди. Я чувствую свежий запах свежестиранных хлопковых штор, слышу лай собак, вдохновение,

замерев у лестницы: лица, голоса, движения эхом повторяли друг друга. Я такая же, как и все? Они хотят быть особенными: особенным итальянцем, особенным евреем, особенным индусом – они с рождения определяют себя именно так. Но, как считал Бродский, стоит определить себя сперва как человека и не лезть в «эти большие дела, они очень сильно туманят».

«Кто я?», – на этот вопрос ответ будет не «актриса с океаном заманчивых предложений», а моя характеристика как человека. Но её услышат только близкие, ведь никто не хочет быть уязвимым перед незнакомцами! Мгновение наедине с собой, а затем присоединяюсь к грохоту. «Наплевать, наплевать», – мысленно повторяю я, проходя сквозь терпкий туман сигарет.

Проходит час, а Зед всё ещё не подходит ко мне, мелькая в компании панков. Погружаясь всё глубже в пёстрый разговор, я чувствую умиротворение. Из таких мгновений и составляется вечность. Слова-огни, тот красный, тот жёлтый, возникнут и останутся. Некие ускользнут, улетят, исчезнут, крича, а им будет вторить эхо, отражаясь друг от друга в унисон музыке. Одно мгновение останется со мной ненадолго, а потом исчезнет в смертной бездне памяти – я выхватываю из толпы желудёвый цвет и одновременно чувствую, как впечатывается в мою кожу крест на груди Али и её руки крепко сжимают меня.

Все приземляются рядом: Логан, Али и... и отдельная ко-

робка на стеллаже моей жизни – Дилан. В последний раз, когда мы виделись, когда он потребовал с меня порвать с Зедом, но, кажется, это уже так далеко в прошлом. Я так рада видеть этого брюнета; Барннетт с присущим ему тактом переговаривается с однокурсниками. Я думала, что, пожалуй, пора прекращать нашу с ним игру. «Последний вечер. Запомни его... художник не без таланта. В коллекцию, и пошла дальше. Зажила, как и до этого, ведь все в твоей жизни скроено верно», – крутится в моей голове, пока я неотрывно наблюдаю за Диланом при этом фиолетовом свете, так захватывающе ложащемся на черную материю его одежды. Ко мне обратилась Али:

– Грейс, все собираются играть в «Правда или действие». Будешь с нами? – спрашивает она.

– Я за, – говорит Дилан позади меня.

Вновь разворачиваюсь к Дилану, он отпивает коньяка, хотя от него не исходит перегар, лишь привычный необъяснимый аромат его самого и немного мяты. Он наклоняется и шепчет:

– Мы с тобой уже обсуждали это после стихов того бродячего поэта, атеистишка. Они мелкие и спящие люди, но как бы мы с тобой ни зачитывались Ницше, пока что мы подобны им, и мы вдвоём среди них. – Господи, когда находишь того, с кем можно поговорить на темы, отличные от быта и сплетен о знаменитостях, разум которого бессловесно уравновешен с твоим, как жидкость в сообщающихся сосудах, –

это идеал. — Ты ведь всегда играешь, так подыграй и сейчас.

Дилан, как нож, проходит все насквозь: одновременно он и внутри, и вовне, наблюдает. Я ощущаю его так же сильно, как «Сон в летнюю ночь» Шекспира, и соглашаюсь. (Эта была последняя вечеринка, на которую я пошла осознанно.)

Когда присоединяется Логан, мы начинаем играть. В течение игры Меделин уединяется с Джексоном; Алекс выкуривает косяк, предоставленный ему Зедом (вот от кого явно не ожидаешь!). Далее Логан рассказывает какую-то научную теорию одними бранными словами; Дэн целует девушку, случайно проходящую мимо. Глупая затея. Легкомысленные действия и провокационная правда. Хорош только коктейль, который Логан делает в совершенстве. Али с Диланом шутливо переговариваются, а я чувствую, что водка начинает постепенно действовать, сгущая краски. Моя хмельная сторона довольна, что Зед, не удосужившийся банально встретиться и поприветствовать меня, теперь злится, что я смеюсь вместе с Диланом.

В миг, когда музыка сменяется, а ход переходит к следующему студенту, Меди и Джексон приходят обратно; он обнимает её. Я улыбаюсь Меди в ответ и украдкой бросаю взгляд на Дилана. Он незаметно для остальных касается моей руки, и я вздрагиваю, ощущая пленяющие прикосновения пальцев. Желаю прижаться к нему, почувствовать гармонию, дать влюблённости захватить меня. Но это недалёковидное решение, конечно же. Отворачиваюсь и пытаюсь вести себя есте-

ственно, но щекочущие прикосновения то и дело вызывают непрошеную улыбку. Очередь в игре доходит до Дилана; выбор пал на правду.

– Дружок, ты запал на кого-нибудь здесь? – ехидно интересуется Зед.

Я чуть не давлюсь напитком в бумажном стаканчике. Наваливается ощущение, будто сердце остановилось. Гляжу прямо на Зеда, а он – на Дилана, руки опираются на колени.

– Да, – отвечает Дилан и дразнит: – Неужели это тебя так сильно волнует?

В ответ блондин резко откидывается на спинку дивана.

– Ты просто выбрал правду, друг. Вот я и спросил тебя.

Музыка играет всё так же громко, и все стараются её перекричать, но игроки молчат и ухмыляются, создавая впечатление всепоглощающей гробовой тишины. Дилан натягивает улыбку и делает расслабленный жест.

– Продолжайте уже. От таких разговоров скукой веет, – скулит пьяный Алекс, докуривая косяк. – Грейс, правда или действие?

– Выбираю правду, – отвечаю я.

– Ты когда-нибудь изменяла Зеду?

Он произносит это так беззаботно, словно это в порядке вещей; меня вопрос шокирует. Хотя я ведь в доме студенческого братства – обитатели похоти и разврата.

– Никогда.

– Не лезь в наши отношения, Алекс, – встречает Зед.

– Ты становишься невыносимым, когда напиваешься до скотского состояния.

– Грейси, нужно говорить правду? – улыбается Алекс, делая знатный глоток из бутылки.

– Я не играю в эти игры больше, – говорю громко, но не кричу, чтобы не показать слабость.

Я разворачиваюсь и направляюсь к главному выходу, но через несколько шагов резко останавливаюсь, услышав насмешку Алекса:

– Да ладно, братец, расскажи ей, как измываешься над ней, траха...

– Алекс, замолкни, – голос Дилана звучит угрожающе.

– Неужели ты тоже запал на Грейс? – спрашивает Алекс Дилана, хохоча и задыхаясь от гогота.

Я вновь стою у диванов там, где и сидела только что, когда Дилан вновь призвал его к трезвости.

– Давай, говори, а мы даже представим, что нам это важно, – встряла Меди, но замолкла, поняв неуместность своих слов.

– Алекс. Ты много выпил, – начинаю как можно спокойней. – Давай ты просто пойдёшь в какую-нибудь из спален наверху и не будешь создавать себе проблем?

Он ухмыляется, и вот я уже думаю, будто он согласится с моим предложением, как Зед нас прерывает:

– Нет, Грейси. Мы продолжаем играть. Садись на своё место. Думаю, это будет великолепно! – кричит он.

– Не смей повышать на неё голос, Зед! – вмешивается Логан.

Благодарно киваю ему и подхожу к Дилану с Али, забыв, что недавно хотела выйти на улицу. Оглядываюсь: все смотрят на Зеда, который намерен отомстить.

– Ну, давайте же. Что все такие напряжённые? – спрашивает Зед эмоционально, вставая с дивана и размахивая руками. – Мы продолжаем играть! Алекс, правда или действие?!

– Сейчас очередь Али, – отвечает Алекс. Пирсинг у него в носу переливается.

– Не думаю, что Алиша будет против, – перебивает Зед. – Так что ты выбираешь?

– Правда, – отвечает Алекс с усмешкой и с вызовом в глазах, задрав голову, глядя на Зеда.

– Ладно, – говорит Зед, вставая прямо напротив него. – Правда ли, что у тебя встаёт на мою девушку?

Лучше бы я подавилась алкоголем и умерла прямо здесь. Или провалилась сквозь Землю прямо в Австралию. Или Новую Зеландию. Лишь бы подальше отсюда. В горле ком, я впадаю в ступор. Дилан бросает на меня быстрый взгляд и подходит к Зеду, который даже не обращает внимания на моё присутствие.

– Какого черта ты творишь?! Она ведь прямо возле тебя! – кричит Дилан на него, пытаюсь разнять спор. Никогда до этого не слышала, чтобы Дилан повышал голос, обычно он превосходно себя контролирует. – Если бы тебе было не

наплевать на неё, то ты бы никогда не сказал подобного!

Али встаёт с дивана вслед за Диланом, намереваясь заботливо вывести меня из дома подальше ото всех, но я продолжаю наблюдать, не давая себя утянуть.

– Подожди, Дилан. – Алекс также поднимается с кресла, немного пошатываясь. – Если тебе интересно, Зед, то да. Мой ответ на твой вопрос – да. И ты сам об этом прекрасно знал.

Уже ненавижу всей душой это освещение и музыку, которая вроде как стала тише. И все вокруг искривилось и рассыпалось. Как же путано, бесцельно, как непонятно.

– Конечно, я знал. Просто хотел, чтобы Грейс услышала это лично от тебя, придурок, – рычит Зед.

Он победно идёт к своему прежнему месту, а мне хочется подбежать и дать ему пощёчину. Как Зед может так ужасно себя вести, так наплевательски ко мне относиться? Меня останавливает Али, вновь предлагая уйти, пока не стало слишком поздно. Мысли прерваны, а чувства отошли на задний план, сменяясь осознанием.

– Тогда, Зед, выбирай: ты ей расскажешь или я? – кричит Алекс вслед своему брату.

Что, черт возьми? Мне кажется, что трое самых близких мне людей оказались вместе со мной на острове посреди текучей наружности. Мысли скользят и опадают, не поспевая за событиями. Дилан срывается с места, подходит ко мне большими шагами и предлагает увести меня отсюда Али, ко-

торая заботливо держит меня за руку, когда мы быстро поднимаемся по лестнице. Чувствую себя уходящей от мира монахиней, вертится вопрос: ради чего, Зед? Зачем так несдержанно и жестоко? Возможно, и нежестоко, но безразлично и неуважительно. Ноги не подчиняются, так что цепляюсь за перила. Неон переключается с зелёного на красный. Позади слышится восторженный крик, но мне всё равно что там происходит. Али плетётся рядом молча, участливо меня оглядывая, круглая жёлтая луна смотрит в окно, и на последней ступени лестницы я уже готова признаться подруге, как мне важна её поддержка, но снизу доносится издевательский голос Алекса, растягивающего слова:

– Грейси! Не хочешь ли ты услышать о том, как твой замечательный парень трахает других девушек?

Ещё бы немного – и я бы не услышала его из-за оглушающей музыки. Дилан все ещё нежно держит мою руку. Гляжу на Алекса, он стоит под лестницей и разводит руками. Ладонь сжимает бутылку. Темнеет в глазах, грудь сжимает, подступают слёзы. Зед косится на меня. Музыка играет громко, люди продолжают общаться и снова по лестнице вверх-вниз. В глубине души молюсь, готова даже пойти к Али на исповедь, лишь бы слова Алекса оказались ложью. Это выдал его пьяный мозг.

– Зед, это правда? – мой голос надламывается. Если не принять экстренных мер, то крах всему.

– Да, да! Измена! Физическая неверность! – встревает

Алекс.

В то время мне в действительности напихать грязному олуху опилок в глотку, дабы заткнуть.

– Грейс, давай пойдём отсюда? – предлагает подруга.

– Я должна знать, Али, – отвечаю я. – Зед, это правда?! – вновь вскрикнула я.

Нет ответа. Сглатываю слёзы и говорю, сгладив растущий ком в глотке. От боли в груди не осталось и следа. Я набралась сил, приручила слезы и громко команду:

– Зед!

Он смотрит пьяными глазами, в которых читается смех. Смех? Зед смеётся надо мной?! Из-за того, что я поверила Алексу, или же из-за того, что это правда и он усмехается глупой девочке? Зед подносит к губам бутылку Алекса, показательно отпивает глоток и швыряет её так, что она разбивается. Ядовитая улыбка уродует его губы. Это правда! Черт, Зед изменял мне! Впрочем, я тоже. Но разница имеется в обстоятельствах! Почему он не осмелился сказать мне лично и в итоге я узнаю это таким низким образом? Но я даже не могу его обвинять. Я сама была с Диланом. Его касания всегда действуют успокаивающе, даже болеутоляюще, но сейчас я просто в ярости! Мне хочется спуститься вниз, накричать на Зеду, дать ему пощёчину за унижение и рвение чувств в моём сознании, больше никогда не говорить с ним. Но последнее, что я слышу, это ругательство Дилана:

– Твою мать!

Звёздная Ночь

Эту девушку, такую дорогую для моего сердца, поймал какой-то парень, чья суть и душа менялись множество раз. Он уже и не помнил себя, самую первую, изначальную версию самого себя. Ночь знает, что этот парень не помнил переживания, проблемы, мысли и всякую подобную всячину, терзавшую его так много лет тому назад; в Ночи заиграла ревность. Заиграли противоречивые мысли недовольства, злости и проклятья, но глубокого почитания его.

Глава 7

Грейс

Я просыпаюсь в небольшой темной и холодной комнате. Неяркие лучи солнца проходят сквозь шторы, чтобы раствориться в безразличии мрака. Ощущаю гробовую тишину вокруг. Она оглушает, но и успокаивает. Пытаюсь сосредоточиться на интерьере комнаты, который еле виднеется сквозь покров тьмы. Я здесь никогда не была. Темные обои, светлый пол. Напротив кровати из темно-вишнёвого дерева, правее – книжный шкаф, дверь. Лучи солнца проскальзывают в комнату сквозь оконное стекло. Весь мой крошечный мир замирает вместе с витающей в воздухе пылью. Бог погружает во тьму отчаяния миллионы ни в чём не повинных существ, отнимая у них что-то важное, а потом вновь проливает на них солнечный свет. Возвысится ли светило над моей головой, или зенит уже пройден?

Картины на стенах; на мне надета обычная белая футболка. Таких сотни и тысячи, но эта мне знакома. Продолжаю лежать без движения, прислушиваясь к ходу маятника, пока в полумраке, приглядевшись, не замечаю в кресле Дилана, облокотившегося о руку. Он мило сопит с закрытыми глазами. Взъерошенный и измотанный за день, очаровывает ещё сильнее, чем обычно. Пытаюсь неслышно поставить стакан с водой и принять таблетку, но от негромкого стука Дилан

просыпается. Он тут же замечает меня, сидящую на кровати без сна. Смутная и обеспокоенная улыбка; Дилан шепчет:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.